

ВСЕЛЕННАЯ ФАНТАСТИКИ

ГРОМОВЕРЖЕЦ

ЭД ЭРЛ РЭПП, ДЭВИД КЕЛЛЕР И ДР.

Майлз Джон Брейер

Громовержец

«Автор»

2026

Майлз Джон Брейер

Громовержец / Майлз Джон Брейер — «Автор», 2026

В данный сборник вошли знаковые научно-фантастические произведения 1930-х годов, созданные мастерами ранней американской фантастики — Эдом Эрлом Рэппом, Нилом Р. Джонсом, Джеком Барнеттом и другими. Это уникальная хроника того, как воображение писателей предвосхищало грядущие научные прорывы, рисуя миры, где человек впервые покоряет космос, сталкивается с внеземным разумом и осваивает энергию, способную как возвысить, так и уничтожить цивилизацию. На страницах сборника оживают четырехмерные пространства и атомные миры, межпланетные корабли и армады марсианских захватчиков. Герои сражаются с загадочными монстрами в пещерах Кентукки, исследуют таинственную «Мёртвую голову» в открытом космосе и пытаются обуздать грозную силу, которая может стереть с лица Земли целые города. Каждый рассказ — это дерзкая гипотеза, облечённая в форму остросюжетного приключения. Эта книга — свидетельство эпохи, когда наука переставала быть уделом избранных, а фантастика превращалась в лабораторию идей.

© Майлз Джон Брейер, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Укротитель бурь	5
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Метеор «Мёртвая голова»	32
Громовержец	42
Глава 1	43
Глава 2	46
Глава 3	51
Глава 4	56
Глава 5	61
Глава 6	66
Глава 7	71
Конец ознакомительного фрагмента.	73

**Капитан С. П. Мик, Уильям Ривз, Джулиан
Кендиг, Э. Д. Скиннер, Дэвид Келлер,
Майлз Джон Брейер, Джон В. Кэмпбелл,
Тейлор Гринфилд, А. Г. Джонсон, Нил
Р. Джонс, Эд Эрл Рэпп, Рэй Каммингс
Громовержец**

Укротитель бурь

Эд Эрл Рэпп

Глава 1

Мягко вибрируя всеми двадцатью четырьмя огромными спаренными двигателями и нетерпеливо напевая песню скорого вылета сорока восьмью пропеллерами, гигантский воздушный лайнер системы «Форнье–Даль» изо всех сил натягивал тросы кормовых якорей, разрезая своим острым, как нож, форштевнем пологие океанские волны, набегавших на пляжи Гонолулу.

Под чарующие звуки дюжин играющих гитар и укулеле, исполнявших традиционную прощальную мелодию «Алоха Оэ», длинная вереница пассажиров быстро исчезала в недрах просторного транстихоокеанского лайнера, поднимаясь по рампе с плавучей пристани. Теперь они держали путь домой, увозя с собой лишь воспоминания о южных морях – коралловых пляжах, тепле, страстных танцах хула и переборах гитарных струн.

Подобно какому-то чудовищному земноводному из зари времен, этот «Форнье–Даль», получивший имя «Гонолулу» – один из нескольких сотен таких же кораблей, принадлежавших и управляемых «Транстихоокеанской компанией Калифорнии», – мерно покачивался на теплой океанской волне. С крыльями, сверкающими в лучах ослепительного полуденного солнца, с корпусом, выкрашенном в фирменные цвета компании–владельца, «Гонолулу» с полными пассажирскими салонами и забитыми трюмами был готов подняться в воздух и с ревом одолеть две тысячи триста миль объятых штормами пространства, отделявшего мыс Дайамонд–Хед от калифорнийского Сан–Педро. Его мощные дизели глухо рокотали, словно отдавая прощальный салют тем, кто провожал их с пристани. Пассажиры, сидевшие в главном салоне у открытых иллюминаторов, замороженно слушали плач гитар, выводивших прощальную песню Островов. Затем внутри корабля мелодично прозвенел сигнал, и порты закрылись. Пассажиры поудобнее устроились в креслах, счастливые и беззаботные, в то время, как дизельные двигатели взревели во всю глотку, бросая вызов стихии.

Лайнер «Гонолулу» устремился к открытому морю. Пропеллеры с такой силой вгрызались в воздух, что боковые стабилизаторы приподнялись над гордой водной гладью. Полмили он мчался наперерез ветру, взметая высоко вдоль своих обтекаемых бортов шипящие фонтаны брызг. Затем с грацией кулика воздушный гигант оторвался от воды и взмыл в небо. Описав изящную дугу над раскинувшимся внизу городом, корабль развернулся и лег на курс – на восток, северо–восток, к берегам Америки.

Пассажиры «Форнье–Даля» мало чем отличались от публики на океанских лайнерах. Ничуть не скованные и не взбудораженные перспективой столь захватывающего путешествия, они смеялись, шутили и читали, пока огромный корабль пронзал слои беспокойного, турбулентного воздуха.

Они свято верили, что «Гонолулу», как и морской лайнер, неуязвим для натиска могучих стихий. Да, в последнее время произошло немало воздушных катастроф, но ничто, разумеется, не могло помешать успешным рейсам этих исполинских небесных судов – особенно тех, что летали под флагом «Транстихоокеанской компанией». И потому, когда «Гонолулу» внезапно угодил в воздушную яму, заставив замереть сердца, и ухнул вниз на добрых двести футов, пассажиры лишь дружно рассмеялись.

– Надо будет переговорить с начальством, чтобы эти воздушные дыры покрепче заштопали! – расхохотался крупный торговец пуговицами и нитками из Кливленда.

Пассажиры в главном салоне громко и весело поддержали шутку; они были безмятежны и довольны, пока могучая птица верхних слоев атмосферы на бешеной скорости неслась навстречу гряде бурлящих черных туч, зловеще формировавшихся на ее пути. Но они не обратили на это внимания – пускай голова болит у пилотов.

На протяжении еще нескольких сотен миль в салоне не смолкала задорная болтовня и шутки сыпались одна за другой – от анекдотов про старую добрую Шотландию до воспоминаний о знойных девах Гавайев.

Внезапно «Гонолулу» резко швырнуло к небесам в далеко не нежном восходящем потоке тихоокеанского воздуха. Небо над головой превратилось в кипящее месиво черных туч, сквозь которые почти непрерывно полыхали молнии. Словно непреодолимо втягиваемый в эту вздыбленную воздушную пучину, «Гонолулу» так круто задрал нос, что люди в салоне судорожно вцепились в свои намертво прикрученные к полу плетеные кресла. Не успели они сообщить, что происходит, как корабль оказался в самом центре неопишемого хаоса из грома, молний и кошмара!

«Гонолулу» был буквально подхвачен чудовищным потоком восходящего воздуха и увлечен в самое сердце шторма. Подобно бутылочной пробке в разъяренном море, огромное судно проваливалось, сваливалось в штопор и вращалось с такой тошнотворной, выворачивающей наизнанку качкой, что в замкнутом пространстве «Форнье–Даля» мгновенно воцарился суицид ад. Чернокожий шеф–повар с лицом, покрытым каплями пота, и дико выпученными от растущего испуга глазами, выскочил из камбуза, расположенного позади двойного ряда кают вдоль узкого коридора, и, рухнув на колени, неистово заклинал Господа даровать спасение. Колоссальный зигзаг молнии прорезал толщу черных грозовых туч, и его конец как комета прошил в смертельной близости. Раскат грома сотряс сражающийся с бурей корабль от кончиков винтов до боковых шплинтов. Тем, кто находился внутри, казалось, будто их заперли в исполном турецком барабане, по которому со всех сил колотит великан.

Напыщенный джентльмен из Кливленда мигом забыл все свои шутки, едва взглянул в заливаемый потоками воды иллюминатор. Огромные металлические крылья «Форнье–Даля», казалось, пылали ярким синим пламенем. Опаляющие разряды извивающегося электричества срывались с несущих плоскостей и стекали вниз, к коротким поплавкам–стабилизаторам. Кливлендец истошно закричал, привлекая внимание насмерть перепуганного туриста–кругосветчика.

– Огни святого Эльма! – завопил он. – Мы погибли!

В следующий миг терпящего бедствие корабля внезапно швырнуло в сторону. Ленты сине–белого пламени заметались по салону, и раздался оглушительный взрыв, похожий на выстрел дальнобойного орудия – это молния ударила в один из дизелей на верхней плоскости крыла. Непрерывающаяся пляска молний бушевала вокруг огромной рукотворной птицы; затем, один за другим, мощные дизели начали разлетаться в щепки, покрывая зияющими дырами обшивку металлических крыльев. Ослепительные вспышки парализовали волю несчастных, с ужасом наблюдавших за катастрофой из кают. Корабль, казалось, превратился в сплошной факел, в катящийся огненный ком, тщетно пытавшийся вырваться из мертвой хватки разбушевавшегося титана стихии. Странно, но баки с этиленом все еще не взорвались; однако это было неизбежно. Развязка наступила столь стремительно, что огромный корабль замер, словно подстреленная птица. А затем, превратившись в сгусток разноцветного пламени и прочертив свой огненный путь вниз, к Тихому океану, лайнер вписал кровью и огнем еще одну трагическую главу в летопись вечной борьбы человека со стихией.

Суровый счет

С тех самых пор, как человек впервые доверился механическим средствам передвижения, отказавшись от собственных ног, которые носили его, подобно крадущемуся зверю, по джунглям на заре времен, его историю сопровождали великие катастрофы. Неисчислимы старинные парусники, бесследно гинувшие в пенных волнах, гонимые яростным юго–западным штормом; сколько стальных громадин пошло ко дну под натиском непокоренной стихии, не говоря уже о страшных крушениях на многомильных стальных путях, по которым с грохотом проносились фыркающие паром железные чудовища. И когда лайнер «Гонолулу» рухнул в

кипящие волны, мир содрогнулся от осознания новой катастрофы, в одночасье унесшей жизни ровно двухсот пятидесяти человек! Человечество потребовало объяснений, невзирая на то, что подобные трагедии собирали обильную жатву с тех самых пор, как люди впервые предпочли ездить, а не ходить пешком.

Но никакие объяснения и расследования чиновников «Транстихоокеанской компании» и правительства не могли вернуть тех, кто расстался с жизнью. И все же эти жертвы не были напрасными. Наука должна была наконец осознать, что прежде чем человек сможет безопасно подниматься в воздух и путешествовать по небу, ему предстоит покорить кое-что еще. Стихию! Стихию необходимо было обуздать и подчинить, чтобы человеческие жизни в небе больше не подвергались смертельной угрозе.

И мир во всеуслышание заявлял об этом со страниц газет, пестревших кричащими заголовками. Черным по белому там четко и ясно писалось, что общественность больше не станет платить непомерные деньги авиакомпаниям ради сомнительной привилегии летать в качестве «донного балласта». И винить людей было не в чем. За последние годы произошло слишком много авиакатастроф. Мир, который еще недавно был одержим скоростью, вмиг стал чрезвычайно осторожным. Люди попросту отказывались летать.

В результате из-за гибели «Гонолулу» многие крупные транспортные компании оказались на грани банкротства. Но вместо того, чтобы свернуть работу и запереть в ангарах свои огромные суда, бороздившие все уголки земного шара, до тех пор, пока не утихнут воспоминания о трагедии, они позволили судам выполнять регулярные рейсы, свято веря в то, что в конце концов мир позабудет о недавних несчастьях. Им грозил неминуемый финансовый крах, ведь пассажиры не желали подниматься в воздух, а коммерческие предприятия не хотели рисковать своими товарами, доверяя их воздушному транспорту.

Воздушные суда новых типов отказались от полетов на малых высотах. Вместо прежних четырех-пяти тысяч футов исполинские лайнеры «Транстихоокеанской компании» теперь прокладывали свои маршруты на высоте двадцати пяти тысяч футов. Атмосферные катаклизмы там случались чаще и были куда свирепее, чем внизу, однако у огромных кораблей выбор был невелик: либо забираться на такую высоту, либо навсегда остаться прикованными к земле. На малых высотах сопротивление воздуха для судов типа «Форнье-Даль» было слишком велико, чтобы развивать необходимую им скорость. И все же суда продолжали гибнуть под яростным натиском стихии. Жизни людей сплошь и рядом зависели лишь от мастерства пилота – от его умения вывести корабль из турбулентных воздушных ям и работать элеронами до тех пор, пока судно не вырвется из этой зоны.

Так авиация оказалась в тупике. Разумеется, находились отчаянные головы, готовые пойти на почти верную гибель ради пары лишних долларов или экономии часа времени. Но их было настолько ничтожно мало, что регулярные рейсы лишь впустую пожирали ресурсы владельцев компаний, уходившие на эксплуатационные расходы.

Положение сложилось поистине отчаянное. Настолько мрачное и угрожающее, что каждый студент-физик, метеоролог и вообще любой, кто обладал хотя бы малейшими научными знаниями, ломал голову над тем, как сделать небо безопасным для человека. Успешное решение этой задачи сулило колоссальное вознаграждение. Правительства ведущих держав открыто объявили об этом, объединив свои финансовые фонды в один гигантский общий фонд, чтобы создать еще более заманчивый стимул для изобретателей. Однако никто не знал, что именно двигало Маршаллом Даннингом, когда он включился в эту гонку – желание сорвать огромный куш или бескорыстная надежда вернуть авиацию на твердую почву.

Глава 2

Маршалл Даннинг

Молодой Маршалл Даннинг, студент–физик Технологического института, совершенно не казался человеком, способным руководствоваться лишь финансовой выгодой, когда брался за решение какой–либо задачи. Разумеется, любые награды за его достижения были бы приняты с благодарностью. Последние пять лет Маршалл самостоятельно зарабатывал на учебу в институте, выполняя всю самую тяжелую работу в огромной лаборатории. Само по себе это было нелегким трудом, но, судя по всему, несколько не мешало амбициозному юноше прилежно учиться. Что же касается денег... Что ж, любому студенту, самостоятельно пробивающему себе дорогу в жизнь, нужны деньги, и Маршаллу Даннингу – особенно. Карманы его были практически пусты, а до получения диплома оставалось еще два года.

Сам Маршалл об этом и не подозревал, но преподавательский состав проникся к нему глубокой симпатией с самого первого дня, как он подал заявление на стипендию. Он был идеальным студентом. Узнай он, каким высоким уважением пользуется, он вполне мог бы задрать нос задолго до окончания первого курса. Но эти седовласые ученые были мудры! Они прекрасно понимали, что открытое восхищение принесет юнцу больше вреда, чем регулярные нагоняи. Поэтому Маршалла Даннинга искусно держали в уверенности, что его главные достоинства как перспективного молодого ученого – это безупречное владение шваброй, мылом и чистящим камнем.

Честно говоря, ему потребовалась всего неделя, чтобы постичь внутреннюю природу атома, и целый месяц, чтобы научиться управляться с вышеупомянутым камнем на засаленном полу лаборатории. Постепенно он достиг совершенства в обоих направлениях – и в физике атома, и в обращении со стертым бруском! И со временем те самые седовласые джентльмены, каждый из которых был корифеем науки, разглядели в этом юноше с копной волос песочного цвета редкий гений – дар подмечать детали и докапываться до самой сути вещей.

Они стали частенько консультироваться с ним по вопросам, вызывавшим у них разногласия. В результате его теории, выдвигаемые, казалось бы, под влиянием минутного увлечения, на практике обычно приводили к самым блестящим результатам. Он обладал поразительным умом – не просто изобретательным и богатым на воображение, но и сугубо практическим. Это была редкая, почти божественная способность, которая обычно не встречается у столь молодых людей. И, как уже говорилось, его наставникам не потребовалось много времени, чтобы осознать этот факт.

Когда Маршалл впервые предстал перед седовласым ректором института с документами в руках, профессор Хобсон увидел робкого юношу, чей внешний вид, пусть и опрятный, вызывал искреннюю жалость. Локти его пиджака были заношены чуть не до дыр, а брюкам требовалось нечто более радикальное, чем обычный тяжелый утюг, чтобы скрыть лоснящиеся вытянутые колени. Профессор Хобсон сразу разглядел амбиции юноши. В том, что тот добьется успеха, ученый ни капли не сомневался. В блеске серых глаз молодого человека читалось страстное, непреодолимое желание разрешить сложнейшие научные загадки человечества. А взглянув на его мозолистые, натруженные руки, ученый понял, сколь тяжело парню дается борьба за скудное пропитание. Маршалла приняли. Он подрабатывал официантом и уборщиком, без усталы учился и бережно раскладывал колоссальные объемы прочных знаний по полочкам своего развивающегося ума.

Поэтому, когда до него донеслось известие о гибели лайнера «Гонолулу», мысли о значении этой трагедии целиком завладели его разумом. Маршалл Даннинг принялся за работу с невиданным прежде рвением. Как уже упоминалось, он понимал внутреннюю природу атома

и массу других вещей, имеющих большее или меньшее значение для этой нашей истории. Он знал, что именно в атоме кроется ключ к разгадке природы материи.

Втайне от всех он совершил то, чего не удавалось еще ни одному человеку в мире. Он расщепил атом кислорода. Как известно, в центре атома находится ядро – своего рода крошечное солнце, вокруг которого, словно спутники, вращаются гораздо более мелкие частицы, называемые электронами. Разумеется, Маршалл знал, что электроны несут отрицательный электрический заряд, в то время как протоны заряжены положительно, и что положительный заряд ядра не позволяет отрицательным электронам отталкиваться друг от друга настолько сильно, чтобы покинуть пределы системы. И тогда он открыл способ заставить электроны покинуть атом с помощью положительного заряда, превышающего тот, что удерживается ядром.

Все эти исследования проводились в секрете, но с негласного одобрения руководства института. Даннинг трудился упорно и подолгу, зачастую на всю ночь, засиживаясь, чтобы единолично пользоваться высоковольтной аппаратурой. И когда он наконец расщепил атом, фигурально выражаясь, разложил его перед собой и изучил его структуру, ему мгновенно пришла в голову мысль, как именно создать средство для контроля над разрушительными стихиями в земной атмосфере.

Работая под защитой двухфутовой свинцовой перегородки, Маршалл Даннинг управлял высоковольтным оборудованием в относительной безопасности, пока в один прекрасный день ему не удалось воссоздать в лаборатории искусственную грозу. Этот эксперимент, особенно буйство миниатюрных молний, должен был наглядно доказать, насколько опасна тема, за которую он взялся.

Авария

В его распоряжении находилось оборудование, подававшее переменный ток напряжением 220 вольт и частотой 60 герц, а также трансформатор, повышавший напряжение до 70000 вольт для накопления энергии и последующего разряда в неуловимо малые промежутки времени. Эти 70000 вольт повышались еще раз, и когда разряд преодолевал искровой промежуток, напряжение достигало поразительного потенциала в пять с половиной миллионов вольт. Сам того не ожидая, Маршалл вызвал искусственную грозу, которая едва не разнесла в щепки огромную лабораторию; самого же юношу неведомая сила буквально подняла на воздух из-за свинцовой перегородки и швырнула напрямик сквозь окно из матового стекла. Когда Даннинг, полуоглушенный, поднялся с ухоженного газона, окружавшего лабораторию, его лицо и руки горели от боли, а одежда превратилась в дымящиеся лохмотья. Он сразу понял, что его поразила собственная искусственная молния.

Искусственная буря утихла так же внезапно, как и налетела. Забыв о тяжелых ожогах, юноша бросился обратно в лабораторию. Повсюду там громоздились обломки. Даже свинцовое ограждение лежало погнутым и перекрученным, словно исполинский молот расплющил его, превратив в бесформенную массу. В том месте, куда ударила молния, зияла огромная дыра. Именно отсюда его и отбросило. Однако, осматривая аппаратуру, Маршалл обнаружил, что сама установка, породившая бурю, осталась в идеальном состоянии и вела себя более чем странно. Взглянув на показания приборов, он замер, словно пораженный вторым ударом молнии. Он схватил огрызок карандаша и принялся лихорадочно записывать данные работающих устройств на клочке бумаги. Опаленная кожа отслаивалась от его онемевших, обожженных рук, приликая к блокноту и карандашу. И все же он, стиснув зубы, продолжал делать пометки, пока жуткая, накатывающая волнами боль не стала совершенно невыносимой. Издав тихий стон, он рухнул на пол.

В таком положении – скорчившимся в опасной близости от искрящей установки – его и нашел профессор Хэмлин, заведующий кафедрой физики. Между головой юноши и тройным искровым промежутком, описывая расширяющиеся круги, летели снопы искр. Его голова покоилась на стальной опоре, и тело могло стать идеальным проводником для последующих

разрушительных разрядов. Но профессор Хэмлин без колебаний бросился вперед и оттащил Маршалла в безопасное место. Повышающие блоки уже начали работать с перебоями, напряжение стремительно росло, а опаляющие вспышки гудели, предвещая скорую катастрофу. Пожилой ученый метнулся к распределительному щиту и резко рванул рубильник. Аппарат затрещал и мгновенно затих.

Пока Маршалл Даннинг, с головы до ног замотанный в пахнущие лекарствами бинты, лежал на больничной койке, ректор института созвал экстренное совещание с заведующими кафедрами. Лица ученых были суровы и серьезны; нахмутив брови и поджав губы, они ожесточенно спорили, имеет ли право молодой студент продолжать обучение в Технологическом институте. Участники совещания явно разделились на два лагеря, и в зале то и дело вспыхивали резкие перепалки. Учитывая колоссальный ущерб, нанесенный лаборатории, кое-кто требовал его немедленного отчисления. С другой стороны, профессор Хэмлин упорно стоял на защите своего подопечного.

– Мне плевать, сколько дров наломал этот мальчишка! – кричал он доктору Уортоу, который только что разразился гневной обличительной речью в адрес юноши, обвиняя того в постоянном «баловстве» в лаборатории. – Пройдет совсем немного времени, и он прославит наш институт! Любые убытки, которые он причинил, с лихвой перекроются из ассигнований Робертсона! Этот парень – гордость нашего заведения, и если его отчислят за то, что он проверяет свои теории на практике, можете считать, что я подаю в отставку вместе с ним!

– Полноте, господа, полноте! – вмешался ректор. – Дело ведь не просто в отчислении. Дело в расходах. Молодой Даннинг, безусловно, самый талантливый из наших студентов, но он обходится нам слишком дорого. Согласно подсчетам, его исследовательская работа уже стоила институту сорок тысяч долларов! Что скажет наш Попечительский совет, когда узнает о столь безрассудной трате материалов? Возможно, вы излишне торопитесь со своим ультиматумом, профессор Хэмлин?

Победа Хэмлина

Ученый на мгновение смерил его холодным взглядом, чувствуя, как внутри всё сильнее закипает праведный гнев.

– Я вовсе не тороплюсь, дорогой ректор! – отчеканил он. – Я говорю то, что у меня на душе! Если в этих стенах человек не может проводить эксперименты без риска стать козлом отпущения при любой неудаче, то я официально заявляю о своем выходе из состава профессуры!

– Отчего вы так печетесь о молодом Даннинге, профессор? – спросил ректор Хобсон. – Готовы ли вы лично возместить институту хотя бы половину причиненного ущерба?

При этом последнем вопросе лицо профессора Хэмлина исказилось от раздражения.

– Я пекусь об этом мальчишке, потому что он гениальный физик! То, что скрывается под этой копной песочных волос, с лихвой перевесит мозги всей нашей кафедры, вот почему! Я профессор физики ради самой науки, а не ради долларов, которые могут перепасть на мою долю. Помните мои слова: если вы отчислите юного Даннинга, вы выбьете краеугольный камень из самого фундамента нашего института! Будь у меня эти сорок тысяч долларов, я бы выложил их вам сию же минуту. Более того, у меня есть давнее приглашение от Западного университета возглавить их кафедру атомной науки. Если Даннинга вышвырнут, мы немедленно перейдем туда!

– Вот и забирайте его и проваливайте! – рявкнул секретарь.

– А вы, Блейкли, просто алчный скряга! – выкрикнул профессор Хэмлин, поднимаясь с кресла и подаваясь вперед. – Если бы вы хоть цент потратили на развитие науки, вы бы лопнули от горя!

Секретарь Блейкли схватил со стола тяжелую книгу и злобно швырнул ее в надвигавшегося на него физика. Тот ловко увернулся, и она со зловещим стуком врезалась в угол. Про-

фессор Хэмлин и секретарь Блейкли никогда не питали друг к другу теплых чувств; первый всегда намеренно избегал второго исключительно ради сохранения мира в стенах института. Теперь же давняя, тлевшая годами взаимная ненависть наконец прорвалась наружу.

Ректор Хобсон мгновенно вскочил и встал между разъяренными мужчинами.

– Довольно, господа! – сурово произнес он, упираясь обеими руками в грудь профессора Хэмлина, чтобы сдержать его порыв.

Лицо доктора Блейкли налилось пунцовой краской, но он остался сидеть, даже не сняв роговых очков – возможно, надеясь, что они защитят его от узловатых кулаков физика. Так или иначе, совещание внезапно прервалось мертвой тишиной, воцарившейся в кабинете. Профессора сидели вокруг стола заседаний, бросая друг на друга украдкой многозначительные взгляды. Вскоре секретарь Блейкли поднялся со своего места и размашистыми шагами вышел из комнаты, демонстративно умывая руки.

– Нам, разумеется, очень не хотелось бы терять вас, Хэмлин, – заговорил наконец ректор. – И, признаться, все мы искренне восхищаемся молодым Даннингом, равно как уважаем и вас лично. Вы проделали здесь колоссальную работу, вы буквально с нуля поставили нашу кафедру физики на прочный фундамент выдающихся достижений. Но поймите и меня – как ректор, я не являюсь абсолютным диктатором в этих стенах. Будь это иначе, сегодняшнее совещание даже не понадобилось бы. С другой стороны, мне дали четко понять, что Попечительский совет не потерпит сколько-нибудь серьезных убытков. Поэтому, судя по всему, единственный способ защитить себя и всех нас – это потребовать исключения виновных.

– Однако, раз уж вы заняли столь твердую позицию, я попробую пойти на прецедент и послать наше вышестоящее руководство к черту! Поскольку некоторые фонды института сейчас находятся в моем личном распоряжении, по-настоящему серьезных последствий для нас не предвидится. Так что, если вы все еще согласны остаться с нами, мы будем только рады.

– Я, безусловно, хотел бы остаться, господин ректор, – ответил физик, – но я наотрез откажусь, если с Маршалла Даннинга не будут сняты все обвинения. Этот мальчик докажет свою гениальность в самое ближайшее время, и вы ни на секунду не пожалеете, что оставили его в рядах института.

Седовласый ректор улыбнулся, словно почувствовав облегчение от принятого решения.

– Забудьте об этом, Хэмлин! – махнул он рукой. – Ступайте к парню и передайте, что мы рады видеть его в наших рядах. Но Бога ради, растолкуйте ему, что наши расходы и без того велики, чтобы увеличивать их за счет разгрома лабораторий!

Профессор Хэмлин протянул руку и крепко пожал ладонь ректора.

– Спасибо вам, сэр! – сказал он. Он поднялся и с победным видом зашагал вон из кабинета.

Однако, направившись напрямиком в палату к Маршаллу Даннингу, профессор Хэмлин ни словом не обмолвился об этом споре. Молодой человек слабо улыбнулся при виде вошедшего ученого и приподнял руки, замотанные в марлю. Лицо его было густо покрыто мазью, а голову стягивала плотная повязка, скреплявшая края нескольких глубоких ран. Хэмлин посмотрел на него с восхищением. И совет еще грозился исключить его! Даннинг даже не подозревал об этом, но, выражаясь простым и сочным языком физика, это была чертовски глупая затея!

Поразительное заявление

– Ну что, пришел в себя, Маршалл? – первым делом спросил профессор Хэмлин.

Когда ученый видел своего подопечного в последний раз, тот находился в глубоком беспомоществе. Врачи как раз зашивали глубокие раны Даннинга и смазывали ожоги и ссадины, когда Хэмлин несколько часов назад покинул его из-за вызова ректора. Сейчас парень, казалось, шел на поправку настолько быстро, насколько это было возможно, хотя пройдут еще недели, прежде чем он сможет двигаться не испытывая боли.

– О, я в порядке, сэр, – тихо ответил Маршалл, пытаясь улыбнуться. Тугие бинты стягивали лицо, и улыбка не выходила, но в его глазах вспыхнула искренняя благодарность. – Полагаю, за разгром лаборатории мне полагается хороший пинок под зад, – продолжил он, – но то, что я узнал, с лихвой окупит все убытки!

– Узнал? – переспросил профессор Хэмлин, с недоумением глядя на него и придвигая стул к кровати. – Что ты имеешь в виду, Маршалл?

– Совершенно случайно, сэр, – ответил юноша, – я открыл способ управлять стихией! Создавая искусственную молнию, я одновременно нашел метод генерации временного поля неэлектролизованного воздуха – приборы четко это зафиксировали. Я верю, сэр, что мы сможем возродить авиацию на еще более прочной основе, чем когда-либо. Суть в том, что на небольшом участке лаборатории мне удалось полностью нейтрализовать искусственную бурю огромной мощности. Конечно, со мной это сыграло злую шутку – я отклонил всю ее ярость прямо на себя. Но я уверен, что крушений, подобных гибели «Гонолулу», больше не повторится – по крайней мере, по вине разгулявшихся стихий!

– Погоди-ка секунду, Маршалл, ты слишком торопишься! – недоверчиво произнес профессор Хэмлин. – Повтори еще раз, будь добр.

Даннинг медленно повторил свое невероятное заявление. Хэмлин откинулся на спинку стула и во все глаза, с полным неверием уставился на юношу.

– Боже мой, Маршалл! – выдохнул он. – Ты лишил атом электрического заряда? Тебе удалось подчинить и направить искусственную бурю, в котрой мощность молний превышала пять миллионов вольт? Этого просто не может быть, мальчик мой! Должно быть, ты находишься под влиянием...

Маршалл Даннинг тихонько рассмеялся, позабавленный недоверием своего любимого наставника.

– Под влиянием проклятого вынужденного безделья, сэр! – вставил он. – Разве я когда-нибудь лгал вам, профессор? За все пять лет, что я здесь, я ни разу не соврал ни в чем. А теперь я прикован к постели и не могу завершить то, ради чего все затевал – сделать полеты безопасными для человека, нейтрализуя капризы погоды! Кстати, если вы принесете мне мой рабочий блокнот, я докажу вам каждое свое слово.

Ученый на мгновение задумался, а затем подался вперед.

– Блокнот? – спросил он. – Какой еще блокнот?

– Тот, что был у меня в руках, когда я грохнулся в обморок прямо в лаборатории, сэр! – ответил Маршалл. – Разве вы его не забрали?

– Я его не видел, Маршалл, – признался профессор Хэмлин. – Когда я нашел тебя там, мне было не до осмотра лаборатории. Но я сейчас же спущусь и поищу его!

– Будьте так добры, сэр! – с жаром попросил юноша. – Найдите его, и мы во всем разберемся вместе!

Однако, когда профессор Хэмлин пришел в лабораторию, там уже вовсю трудились двое уборщиков под бдительным присмотром доктора Блейкли, спешно разгребая обломки, оставшиеся после эксперимента Маршалла Даннинга. Секретарь был занят подсчетом убытков и усердно заносил свои заметки на пачке обгоревших бумаг. Он демонстративно проигнорировал приближение физика.

– Блейкли, вы тут случайно не видели блокнота? – поинтересовался Хэмлин, поддав ногой кучу мусора, которую как раз сгребал уборщик.

Блейкли продолжал строчить как ни в чем не бывало. Чернокожий уборщик вопросительно взглянул на профессора, но затем снова принялся мести.

– Доктор Блейкли! – ровным голосом произнес профессор Хэмлин. – Я спросил, не находили ли вы здесь блокнот?

Секретарь развернулся, смерил его испепеляющим взглядом и перевернул бумаги в руках.

– А какая разница, профессор Хэмлин? – ответил он с уязвляющим сарказмом. – Даже если бы я его и нашел, вряд ли он представляет для кого-то хоть малейшую ценность!

Физик угрожающе двинулся на доктора Блейкли; тот попятился назад, спешно заталкивая пачку обгоревших бумаг в карман.

– Послушайте, Блейкли! – выговорил профессор Хэмлин, остановившись прямо перед ним и яростно тыча в секретаря пальцем. – Если здесь и был блокнот, то прибрали его именно вы! Живо отдавайте!

Дрожа перед воинственно настроенным физиком, секретарь продолжал упорно настаивать, что ничего не находил. Профессор Хэмлин, на какое-то время зашедший в тупик, отошел в сторону и принялся сам копать в грудах мусора и обломков. Уборщики бросились ему на помощь, но ничего похожего на блокнот так и не обнаружили. Доктор Блейкли тем временем тихонько выскользнул из лаборатории.

Тогда к профессору несмело обратился чернокожий служитель.

– Доктор Блейкли забрал все бумаги, какие тут валялись, сэр! – шепнул он, перепуганный собственным признанием. – Только, пожалуйста, не говорите ему, что это я вам сказал, сэр!

– Спасибо, Джонсон! Это все, что мне нужно было знать! И не переживай, я тебя не выдам, – ликующе произнес профессор Хэмлин. – Так я и знал, что этот проныра его припрятал!

Глава 3

Лицом к лицу с Блейкли

С растущим гневом в сердце профессор Хэмлин поднялся по лестнице, ведущей в главное здание института, и быстрым шагом направился в кабинет секретаря. Доктора Блейкли еще не было, и физик, плотно сжав губы и вдавив пальцы в ладони, сел его дожидаться. Напряженно просидев несколько минут, он вскочил и принялся мерить ковер размашистыми шагами взад и вперед. Вскоре он взглянул на свои часы и сверил их с большими настенными часами. Он ждал уже двадцать минут и начал гадать, уж не разглядел ли доктор Блейкли нечто чрезвычайно важное в записях Маршалла Даннинга. Что, если Блейкли понял истинную ценность достижений молодого человека в области физики? Секретарь, безусловно, был неглуп, но хватит ли у него ума, чтобы постичь все перспективы открытия Даннинга? С такими людьми никогда нельзя быть уверенным. Профессор Хэмлин всё ждал и ждал, но терпение его наконец иссякло. Выругавшись сквозь зубы, он поспешно вышел из кабинета.

Какая-то неведомая сила снова потянула его в физическую лабораторию. Безошибочно угадывая дорогу, он вернулся туда. Уборщики уже вынесли груды обломков и ушли. В лаборатории царили тишина и запустение. Он подошел поближе и осмотрел массу перекрученного свинца, забрался внутрь и принялся изучать разрушительный след от удара молнии. Профессор поразился тому, как Маршалл Даннинг умудрился выжить в тот миг. Пока он размышлял, на сколько волосков тот был от гибели, на лестнице, ведущей в подвальное помещение, послышались шаркающие шаги. Хэмлин замер, укрывшись от чужих глаз, и прильнул к зияющей дыре, оставленной разрядом.

Доктор Блейкли стоял на бетонном полу прямо у подножия лестницы. Он внимательно осмотрел каждый закоулок лаборатории и лишь затем бесшумно подошел к установке. Вынув из кармана обгоревший блокнот, он принялся, как показалось профессору Хэмлину, зарисовывать схему аппарата. Карандаш секретаря стремительно порхал по чистому листу, фиксируя устройство оборудования. Тихо выругавшись про себя, физик наблюдал за ним из своего надежного укрытия. Блейкли то и дело замирал, прислушиваясь. Убеждаясь, что вокруг ни души, он продолжал делать наброски, пока наконец аккуратно не сложил бумаги и не спрятал их в карман.

Именно в этот момент профессор Хэмлин выбрался из-за пробитого свинцового щита и предстал перед ним во весь рост. Блейкли мгновенно заметил его, и лицо секретаря густо покраснело. Затем он круто повернулся и, демонстративно игнорируя взбешенного физика, быстро зашагал к двери. Но профессор Хэмлин вовсе не собирался отпустить подлеца. Поведение этого человека сполна подтверждало все его худшие подозрения. Что он задумал? Украсть записи Даннинга о его неоценимых открытиях ради собственной наживы? Неужели он рассчитывал в одиночку сорвать гигантский куш, который ждал всякого, кто предложит формулу, способную вернуть воздушные перевозки и перелеты в безопасное русло?

Одним прыжком профессор Хэмлин настиг секретаря. Доктор Блейкли резко развернулся и наотмашь ударил кулаком. Удар пришелся прямо в подбородок физика, отчего тот кубарем покатился по полу, чувствуя, как кружится голова. Не дожидаясь, пока противник придет в себя, Блейкли взлетел по ступеням. Потирая челюсть и покачиваясь, словно пьяный, профессор Хэмлин поднялся на ноги и бросился вдогонку за своим обидчиком. Голова его стремительно прояснялась.

Доктор Блейкли быстро шагнул по газону к седану, припаркованному у обочины. Судя по всему, он не хотел лишний раз испытывать судьбу в схватке с крупным ученым. Профессор Хэмлин мгновенно перешел на бег и перехватил секретаря, когда тот уже заносил ногу над подножкой своего автомобиля.

– Мне бы следовало размазать тебя по стенке, Блейкли! – прорычал Хэмлин, суя сжатый кулак прямо под нос секретарю. С его приоткрытых губ сорвалась капля крови. Заметив это, доктор Блейкли затрепетал от страха. – Но это подождет до другого раза! А сейчас живо отдавай блокнот!

– А зачем он тебе, Хэмлин? – процедил Блейкли с ухмылкой. – Небось сам на эти денежки позарился, а?

– Так вот в какую игру ты играешь! – отрезал профессор Хэмлин. – Задумал нажать на открытия Даннинга? Мерзкий ты подлец! Не твое собачье дело, зачем он мне нужен. Живо отдавай!

– Ничего я тебе не дам, Хэмлин! – проскрежетал зубами секретарь, немного приободрившись оттого, что неподалеку начали собираться и с любопытством поглядывать на них студенты.

– Я видел, как ты зарисовывал установку! Я знаю, что ты задумал! – физик сплюнул подступившую ко рту кровь и еще крепче сжал кулаки. – Ты решил нас предать и продать на сторону!

– Ты лжец, Хэмлин!

Доктор Блейкли за свою жизнь совершил немало ошибок, но эта, пожалуй, стала самой роковой. Правый кулак физика совершил короткий выпад снизу вверх и со звучным щелчком врезался секретарю точно в подбородок. Инстинктивным, резким движением левой руки Хэмлин сорвал с него очки. Пошатнувшись, Блейкли едва не рухнул от оглушительного удара и попытался запрыгнуть в салон машины. Но профессора Хэмлина было не провести. Он мертвой хваткой вцепился в руку секретаря и выволок его обратно на улицу. И снова его правый кулак угодил противнику прямо в лицо, однако доктор Блейкли даже не попытался дать отпор.

– Так я и думал, Блейкли! – тяжело дыша, выкрикнул Хэмлин. – Ты трус до мозга костей! А ну, выкладывай бумаги! Я не хочу устраивать здесь цирк, но если ты сейчас же не отдашь записи, я из тебя котлету сделаю!

– Ты еще поплатишься за это, Хэмлин! – пообещал секретарь, вытаскивая из кармана обгоревшие листки. – Я добьюсь твоего увольнения! Ты напал на меня умышленно! Забирай свои бумажки, и будь ты проклят!

Он швырнул их под ноги физику, кое-как забрался в свой седан и с ревом умчался прочь. Профессор Хэмлин наклонился и с торжествующей усмешкой подобрал документы.

Конец заточения

Для Маршалла Даннинга дни тянулись мучительно долго. За три недели, прошедшие после стычки профессора Хэмлина с доктором Блейкли, он почти не виделся со своим наставником. До него долетали смутные слухи о случившемся, но со временем кумушки угомонились, и в институте снова воцарился привычный рабочий лад. После первых нескольких дней строгого постельного режима казалось, что институт совершенно забыл о существовании Маршалла Даннинга. Если не считать редких визитов профессора Хэмлина и лечащего врача, время для молодого ученого тянулось невыносимо медленно, и вынужденное безделье страшно его угнетало.

Единственным утешением служила мысль о том, что профессор Хэмлин может продолжать исследования, опираясь на его записи. Именно поэтому физик появлялся так редко – каждую свободную минуту, которую ему удавалось выкроить между лекциями и консультациями, он проводил в лаборатории, детально воссоздавая открытия Маршалла. Юноша понимал это, и на душе у него становилось легче.

Но вот настал день, когда доктор зашел к нему и снял сухие, дурно пахнущие бинты с его рук и лица. Кожа оказалась покрыта глубокими, безобразными шрамами и бороздами – следами чудовищного разряда, едва не лишившего его жизни. Маршалл невольно застонал при виде своих увечий, но мысленно вознес благодарственную молитву за то, что руки вообще

уцелели и их не пришлось ампутировать. Нежная новая кожа воспалилась, покрывшись багровыми и синюшными пятнами; зуд был просто нестерпимым, и ему стоило колоссальных усилий сдерживать дикое желание разодрать руки ногтями. Лицо пострадало чуть меньше, хотя темные отметины, по всей видимости, должны были остаться на нем навсегда. Раны на голове уже затянулись, и вскоре эти рубцы окончательно скроются под копной волос песочного цвета, которые теперь заметно поседели на висках.

– Мы сможем скрыть эти ожоги с помощью пересадки кожи, Маршалл, – подбодрил его врач, пинцетом удаляя остатки омертвевших тканей с руки юноши. – Как только воспаление спадет, мы с радостью займемся этим. Конечно, руки до конца дней останутся слабыми и на них сохранятся следы, тут уж ничего не поделаешь. Но ты парень везучий и должен радоваться, что вообще живой остался.

– Я знаю это, доктор, – ответил Маршалл, закусив губу. – И я благодарен. В конце концов, что значат какие-то шрамы? Но если у меня когда-нибудь появятся деньги на операцию, я обязательно позволю вам их исправить. Через два года я получу диплом, а там, глядишь, и работу где-нибудь найду.

– Что ж, Маршалл, твоему заточению в любом случае пришел конец, – поднимаясь, произнес врач. – Небось рад, а? Но побереги себя. Хорошо промывай руки чистой холодной водой. Забудь пока про мыло с абразивом для механиков – твердые частицы могут повредить кожу. И старайся не ударяться. Пока что заглядывай ко мне раз или два в неделю. Удачи тебе, парень!

Маршалл Даннинг кивнул и посмотрел на свои красные, сморщенные ладони.

– Хм! – хмыкнул он. – Могло быть и хуже!

Стоит ли говорить, что Маршалл Даннинг застыл в безграничном изумлении, едва переступив порог лаборатории. Вместо уничтоженного оборудования здесь красовались новейшие, более современные приборы. Повсюду высились странные аппараты. Огромные вакуумные лампы окружали компактные электрические устройства. Повсюду виднелись блестящие электроды, шаровые разрядники, кварцевые сферы и прочие научные атрибуты. Сгорбившись над верстаком в самом дальнем углу, в полном одиночестве трудился профессор Хэмлин. Он был настолько поглощен работой, что не услышал приближения молодого ученого. Маршалл тихонько положил руку на плечо физика. Профессор Хэмлин тут же встрепенулся.

– Рад тебя видеть, Маршалл! – воскликнул он, протягивая перемазанную ладонь. Юноша пожал ее и невольно поморщился от дружеского, но крепкого рукопожатия. – Как себя чувствуешь?

– Слабость немного чувствуется и ноги подкашиваются, профессор, – улыбнулся Маршалл. – Скоро все придет в норму. Доктор только что отпустил меня на волю!

– Вот и отлично, сынок! – ответил физик, вытирая руки куском ветоши. – Я счастлив, что ты вернулся. Но, признаться, твоя машина для укрощения бурь поставила меня в тупик!

– Она не работает? – спросил юноша, и тень тревоги омрачила его лицо.

Физик медленно покачал головой.

– Ну... и да, и нет, Маршалл, – уклончиво ответил он. – Я воссоздал твой аппарат вплоть до магнитных разрядников, но никак не могу разобраться с первичными обмотками. Слишком уж они революционны для такого старого волка, как я. Пожалуй, тебе стоит ввести меня в курс дела, как только сможешь.

– Значит, вы думаете, что в нынешнем виде аппарат бесполезен? – спросил Маршалл. – Чтобы нейтрализовать любую атмосферную бурю, нам необходимо создать зону нулевой проводимости, а также стабилизировать атмосферное давление. Мы обязаны этого добиться, профессор Хэмлин!

– О, я уверен, что она будет работать, просто у меня самого не получается ее запустить! – кивнул профессор Хэмлин. – Разумеется, нам нужно во всем разобраться. И сделать это

можешь только ты, Маршалл! Я зашел в тупик. – Он отошел от верстака и указал на небольшой прибор. – Вот твой укротитель бурь, Маршалл. За дело!

Перед испытанием

Маршалл Даннинг молча изучал стоявший перед ним небольшой прибор. Профессор Хэмлин замер рядом, пристально наблюдая за его действиями. Три кварцевые вакуумные лампы, похожие на прозрачные скалки, покоились в своих гнездах над маленькими катушками. Еще две лампы, круглые и размером с бейсбольный мяч, наполовину скрывались в глубоких пазах. Плоское и толстое металлическое основание блестело новизной. Свисавшие из-под шарообразных ламп разрозненные провода тянулись к краю верстака. Проследив за ними взглядом, Маршалл понял, что они подключены к низковольтной системе освещения. Он пальцами проверил спаренные искровые разрядники, а затем открутил верхнюю половину одного из них, обнажив сферическую катушку. Уверенным движением руки он извлек ее из гнезда и принялся внимательно изучать.

– Все сферические катушки сделаны из провода такого сечения, сэр? – повернувшись к профессору Хэмлину, спросил он. – Сколько витков в каждом шаре?

– Да, Маршалл, – ответил физик. – Я использовал провод марки «два нуля» для каждого, сделав по сорок тысяч витков на шар.

– В таком случае, сэр, – просто сказал юноша, – на мой взгляд, этот провод слишком тонкий, чтобы выдержать удар тока высокого напряжения. Полагаю, у нас лопнули первичные обмотки в районе магнитного центра сферы. Обрыв провода не вызвал короткого замыкания, потому что магнитный центр поглощает его. Но, думаю, вы обнаружите, что проблема кроется в запальных катушках, а не в первичных. Что, если мы перемотаем эти катушки, взяв провод марки «ноль один»? Мне кажется, это решит проблему. В остальном, насколько я вижу, ваш прибор в точности повторяет мой. Вы, должно быть, следовали моим записям буква в букву.

– Клянусь Юпитером, а ведь ты прав, Маршалл! – воодушевился профессор. Он отбросил ветошь и потер ладони. – Мы попробуем! А ты пока отдыхай и просто смотри!

Прошла еще неделя, и по ее истечении профессор Хэмлин отправился к ректору, чтобы сделать важное заявление от имени Маршалла Даннинга. Тут как тут был и доктор Блейкли, язвительно поглядывавший из-за своих роговых очков. Странно, но он так и не обмолвился о своей стычке с физиком, хотя ректор Хобсон просто не мог об этом не узнать. Что до профессора Хэмлина, то для него этот инцидент был забыт и похоронен, хотя любви к секретарю у него, разумеется, нисколько не прибавилось. Между ними всегда шла вражда, и, судя по всему, так будет и впредь.

Вскоре после беседы профессора Хэмлина с ректором в Технологическом институте стремительно начали разворачиваться некоторые события. В один пасмурный, хмурый день огромный бомбардировщик с двухдвигательными орудиями, выступавшими из амбразур в его металлических бортах, прилетел из Сан-Диего и приземлился на аэродроме института. Ни один ангар не был достаточно велик, чтобы вместить эту машину, поэтому она осталась стоять под открытым небом; ее черные орудийные батареи выглядели зловеще и грозно, а исполинские крылья укрывали от непогоды с десятков принадлежавших студентам легких самолетов типа «Уосп».

Когда бомбардировщик с бортовым номером Икс1572 коснулся взлетной полосы, концы его широких крыльев были девственно чисты, подчеркивая мрачную черноту пушек. Благодаря какому-то соглашению между ректором и военным авиационным ведомством, корабль незамедлительно направили на север специально для эксперимента Маршалла Даннинга. И теперь студент-физик с песочной шевелюрой вместе с бессменным профессором Хэмлином без устали трудились над установкой трех небольших, компактных, обтекаемых приборов. Два из них уже стояли на своих местах: один – на верхней обшивке длинного фюзеляжа, прямо

перед возвышавшимся тройным хвостовым стабилизатором; другой – на самом кончике верхнего несущего крыла.

На глазах у немногих очевидцев несколько сферических катушек, бериллиевых гаек и болтов превращались в сложнейшую систему, которая, как свято верили оба ученых, должна была гарантировать безопасность полетов в самых бурных штормовых зонах. Сейчас они нанесли последние штрихи, монтируя третий аппарат на законцовке левого крыла. Между тремя устройствами протягивали провода, сходящиеся к центральной выпускной трубке, которая выступала из-под спаренных хвостовых костылей примерно на шесть футов. При ближайшем рассмотрении эти приборы поражали своей необычностью: они в корне отличались от всего, что до сих пор применялось в авиации как для безопасности, так и для гироскопической стабилизации.

Каждое устройство было снабжено двумя шаровыми разрядниками – катушками, заключенными в толстые стальные сферы, которые на дугообразных опорах выступали на несколько футов за кромку крыльев. Они напоминали «глаза» какой-то механической улитки, хотя держались неподвижно за счет прочных жестких кронштейнов. Хвостовой узел выносил свои разрядники вверх над стабилизатором, слегка изгибаясь книзу на безопасное расстояние от металлической обшивки корабля. Ко всем трем аппаратам тянулись кабели от небольшого генератора, способного вырабатывать необходимое напряжение и размещенного внутри бомбардировщика. Сами внешние приборы, несмотря на свои скромные размеры, повышали напряжение до нужной мощности, создавая вокруг корабля зоны электрической нейтральности и стабильного атмосферного давления.

Когда работа была завершена, Маршалл Даннинг и профессор Хэмлин отложили инструменты с чувством глубочайшего удовлетворения и окинули взглядом плоды своих трудов. Они обошли огромный бомбардировщик кругом, изучая выступающие шаровые разрядники и благоговей перед мыслью, что их собственный разум совершил столь важный прорыв в области физики. Разумеется, каждый из них втайне гордился собой и не скупился на мысленные похвалы в адрес коллеги. Да, именно эксперимент Маршалла Даннинга вызвал эти устройства к жизни, но без помощи, дружбы и колоссального опыта профессора Хэмлина довести аппарат до ума – особенно в столь сжатые сроки – было бы попросту невозможно.

Маршалл Даннинг не принадлежал к числу людей, стремящихся перетянуть все внимание на себя, хотя именно его мозг породил это детище. Поэтому, когда на летное поле пригласили репортеров, чтобы сфотографировать бомбардировщик перед вылетом на базу Хило на Гавайях в самом центре Тихого океана, Маршалл наотрез отказался позировать один. Профессор Хэмлин обязан был разделить с ним триумф – и не как рядовой помощник, а как человек, на которого изобретатель полагался на каждом этапе пути. Технологический институт также разделил эту славу, к огромному удовольствию ректора. Маршаллу Даннингу действительно предстояло заявить о себе во весь голос в мире физики и стать неопределимой гордостью своего института! Ректор Хобсон сразу осознал это и горячо поздравил юношу. Также он похвалил профессора Хэмлина за его проницательность и веру в молодого изобретателя.

Испытания прибора в лаборатории, проходившие в течение последующих нескольких недель, полностью удовлетворили правительственных наблюдателей. И, учитывая колоссальный потенциал изобретения, Даннингу наконец позволили провести полномасштабные испытания в реальных условиях.

Глава 4

Взлет

Уже несколько дней правительство транслировало штормовые предупреждения, призывая все воздушные суда обходить стороной район 25-го градуса северной широты и 130-го градуса западной долготы. Памятуя о былых штормах между побережьем Калифорнии и Гавайями, «Транстихоокеанская компания» заставляла свои корабли огибать опасные зоны по широкой дуге, несмотря на то, что сейчас они летали порожняком, неся лишь балласт. Исполнительские амфибии отправляли кружными путями, что увеличивало маршрут на сотни лишних миль. Огромные океанские лайнеры кое-как ковыляли в порты, принося вести о чудовищных бурях между островами и материком; однако каждое такое донесение лишь подстегивало рвение Маршалла Даннинга, многообещающего ученого и изобретателя.

Профессор Хэмлин полностью разделял этот настрой. И если оба ученых были абсолютно уверены в успехе, то пилоты бомбардировщика были настроены крайне скептически. Последним явно не улыбалась перспектива вести огромный корабль в самое сердце яростного атмосферного катаклизма ради какого-то эксперимента. Конечно, самолеты могли уклоняться от бурь, меняя курс, но только если у них было время в запасе. Катастрофа лайнера «Гонолулу» произошла как раз из-за того, что шторм возник прямо на его пути почти мгновенно, а ведь бури порой коварно прячутся за самыми безобидными на вид облачными грядами.

Но пилоты бомбардировщика получили приказ. И этот приказ должен быть выполнен ради торжества науки – даже ценой самого корабля и их собственных жизней. И все же летчикам, хоть они и привыкли к любым капризам воздушного океана, эта затея была не по душе. Стальные батареи орудий и цельнометаллический фюзеляж Икс1572 послужили бы идеальным проводником даже для самой слабенькой молнии!

Окажись они внезапно в пылу масштабного воздушного боя, пилоты бомбардировщика не испытывали бы такой острой тревоги, ведь их учили сражаться с осязаемой опасностью. Но сейчас, пока корабль мчался по взлетной полосе, готовясь к отрыву, душа у них совершенно не лежала к предстоящему испытанию. Тем не менее, Икс1572 круто заложил вираж, описал круг над аэродромом и стрелой метнулся в небеса, словно испуганная птица. Его огромные шестнадцатцилиндровые радиальные двигатели мощным ревом бросали вызов стихиям, поджидавшим впереди. С пронзительным свистом рассекая воздух, он взял курс на юг и вскоре растворился в высоко висящей пелене тумана в нескольких милях от побережья. Еще несколько секунд после его исчезновения ректор, профессура, газетчики, ученые и глазееющая публика могли слышать глухой рокот мощных моторов и свист пропеллеров. Затем летное поле опустело, и мир замер в ожидании исхода этой отчаянной схватки человека с бескрайней стихией!

Те, кто находился в довольно тесных недрах огромного бомбардировщика, испытали всю гамму человеческих чувств, пока отважный корабль несся на запад и некоторое время спустя принял свое боевое крещение в полутропическом ливне. Лайнер наконец вошел в далекие окраины чудовищного шторма, чей эпицентр находился еще в нескольких сотнях миль впереди. Идя вслепую исключительно по индукционному компасу, Икс1572 давно потерял из виду вздыбленные валы Тихого океана, бушевавшего в тридцати тысячах футов внизу. Он прорывался сквозь стену ливня, тяжело подпрыгивая на опасных нисходящих потоках, подобно полупустой бутылке в бушующем маслянистом море. Но Маршалл Даннинг и профессор Хэмлин пока не спешили запускать приборы для нейтрализации бури, смонтированные на законцовках крыльев и хвосте корабля. Да и сказать, что они получали удовольствие от происходящего, было бы явным преувеличением.

Не привыкший к полетам, а уж тем более в таких условиях, Маршалл Даннинг внезапно почувствовал дурноту – от жуткой качки его нещадно тошнило. Профессор Хэмлин, скорчив-

шийся у иллюминатора позади главной орудийной турели, тоже чувствовал себя далеко не лучшим образом. Бомбардировщик Икс1572, созданный для нужд воздушной войны, в условиях нынешней перенаселенности совершенно не располагал к комфортному круизу. Главный отсек больше напоминал машинное отделение подводной лодки: механические приводы управления этой исполинской боевой машины оставляли лишь узкий проход между двумя рядами аппаратуры. Воздух здесь был горячим и удушливым, и «черная банда» механиков обливалась потом.

Носовую часть загромождали пулеметные турели, представлявшие собой стальные цилиндры, пронизывавшие корпус от самого днища до верхней обшивки. Внутри них на карданных подвесах крепились встроенные пулеметы, надежно защищенные бронеплитами. Прорвать эти цилиндры мог разве что пятидюймовый снаряд, да и то прямое попадание было маловероятным, так что запертые внутри стрелки находились в относительной безопасности. А в случае гибели корабля те, кто находился в турелях, могли прямо с парашютами за плечами нажать на рычаг и катапультироваться через люк в днище.

Одним словом, на борту бомбардировщика было слишком тесно для комфортного времяпрепровождения даже при самых идеальных обстоятельствах. Помимо штатного экипажа из двадцати пяти человек, включая кока – этого «мастера камбузных искусств», – каждый свободный дюйм пространства был занят несколькими привилегированными репортерами, двумя чиновниками из авиационного ведомства, метеорологом, Маршаллом Даннингом, профессором Хэмлингом и доктором Блейкли. Секретарь, назначенный официальным регистратором научных данных от Технологического института, вопреки всем своим протестам был откомандирован сопровождать этот испытательный полет.

Скорчившись в относительно укромном уголке и страдая от дурноты, профессор Хэмлинг покосился на своего давешнего оппонента по физическим дискуссиям. Лицо доктора Блейкли, казалось, утратило привычную язвительную ухмылку, а заодно и изрядную долю высокомерия. За роговыми очками его глаза испуганно округлились от глубоко засевшего страха, когда корабль внезапно влетел в сплошную стену дождя, покачнулся и резко ухнул вниз под углом в сорок пять градусов. Он судорожно вцепился в поручень, чтобы удержаться на ногах, пока Икс1572 выравнивался и закладывал вираж, подобно орлу, борющемуся со встречным ветром.

Профессору Хэмлину удалось выдавить усмешку, и он подмигнул Даннингу, который увлеченно беседовал с улыбающимся репортером. Молодой Даннинг давал свое первое в жизни интервью, к вящему восторгу газетчика. Тот определенно получал сенсационный материал – такой, который надолго обеспечит ему место автора на первых полосах!

В самом сердце шторма

Вскоре бомбардировщик накренился под воздействием восходящего потока и взмыл в небо, словно ракета. Словно встав на крыло, он замер на долгую минуту, а затем отчаянно попытался выровняться, когда величайший шторм в истории обрушился на него лоб в лоб! Длинные языки молний вырывались из-за клубящихся туч, озаряя небеса мертвенным светом. Свистящий разряд пронесся в опасной близости от Икс1572. Радиальные двигатели, казалось, содрогались под напором жуткого атмосферного давления; они чихали и захлебывались, угрожая совершенно заглохнуть.

Покрытый потом и грязью механик рванул рычаг резервного дросселя и запустил дублирующую систему зажигания. Основная система приняла на себя часть разряда молнии, из-за чего выводные катушки на клеммах просто перегорели. Двигатели мгновенно взревели вновь в идеальном ритме, бомбардировщик выровнялся, избежав грозившего ему штопора, и пошел прямым курсом сквозь бушующий хаос. Тонны воды с грохотом обрушивались на металлическую обшивку корабля; затем те, кто находился внутри, уловили иной звук – куда более злоеющий гул, доносившийся снаружи. Потоки воды словно иссякли, и вместо них корпус сотрясла частая, дробная вибрация.

Внутри Икс1572 внезапно похолодало, и каждый почувствовал, как дрожит до мозга костей. Впрочем, одному из них не требовалось никаких усилий, чтобы согреться – доктору Блейкли: он был слишком напуган, чтобы замечать холод. Он был на грани обморока, когда бомбардировщик снова накренился под безумным углом и ухнул вниз, а его хвост описывал огромные круги. Секретарь как безумный цеплялся за поручень и замер без сил, когда корабль снова выровнялся.

Профессор Хэмлин ахнул, глядя в иллюминатор на открывшуюся картину. Воздух со всех сторон казался сплошной серо-белой массой. Обрушившийся шквал града был настолько внезапным, что внушал суеверный ужас. Ни Маршалл Даннинг, ни профессор Хэмлин, ни кто-либо другой не предполагали, что так далеко на юге возможен град; но аномальные штормы случались всегда – и всегда будут случаться. Ни один из ученых даже не успел запустить нейтрализующий аппарат до того, как шторм нанес удар.

Слава прочности Икс1572! Обычный корабль вроде «Гонолулу» или ему подобных разлетелся бы в щепки под первым же натиском такой ледяной бомбардировки. Но бомбардировщик проходил испытание на пределе возможностей; практически в ту самую секунду, когда профессор Хэмлин включил ток, направив его к приборам нейтрализации, стена града с ужасающим грохотом полоснула по плоскостям крыльев. Прямо на глазах у смотревшего в иллюминатор Хэмлина листы обшивки правого крыла начали рваться, начиная с передней кромки. Затем пластины с треском выгнулись назад, разрывая металл, словно фольгу. В результате посреди обшивки, как раз между фюзеляжем и нейтрализатором на конце крыла, образовалась зияющая дыра.

Едва Хэмлин включил ток, как небосвод прорезала ослепительная молния. Икс1572 содрогнулся от ее грохота. Один из радиальных двигателей мгновенно разлетелся на куски. В рубке управления вспыхнуло фиолетовое зарево; к несчастью, один из механиков в этот момент держал руку на рычаг управления именно этого двигателя. Его отбросило в угол и он превратился в бездыханное, искалеченное тело с посиневшим лицом и сведенными смертной судорогой губами.

Под воздействием внезапного нисходящего потока Икс1572 оказался во власти воздушного давления, которое мертвой хваткой вцепилось в его поврежденное правое крыло. Корабль резко развернуло боком, и он сорвался в бочку, грозившую разнести его в щепки. Каким-то чудом он выровнялся с резким рывком, от которого у всех находившихся внутри едва не треснули шейные позвонки. И вдруг законцовки крыльев бомбардировщика засияли – укротители бурь вступили в действие. Длинные зазубренные искры заметались между шаровыми разрядниками от одного прибора к другому, образуя гигантский треугольник. По мере того как напряжение, выдаваемое небольшими генераторами, плавно возрастало, бомбардировщик будто оказался в самом центре полой сферы, сотканной из бледно-голубого пламени.

Словно солнце внезапно выбрало одну-единственную точку для концентрации своих ультрафиолетовых лучей, пространство вокруг Икс1572 полностью очистилось от бушевавшего хаоса. Шторм, свирепствовавший со всех сторон прямо за границей этого сияния, казалось, больше никак не мог на него воздействовать. Вспышки молний, зловеще устремлявшиеся с небес, скользили по поверхности этой невидимой брони, натываясь на защитную оболочку, окружавшую бомбардировщик. Стены дождя вспыхивали светящимися каскадами на кромке искусственной фотосферы, а разрушительный ураган со свистом проносился мимо, огибая корабль сверху и снизу, не нанося тому никакого вреда.

Со всех сторон гремели оглушительные раскаты грома. Багровые зигзаги молний распарывали небосвод. Прямо по курсу, в самом эпицентре катаклизма, громоздились клубящиеся грозовые тучи, закрученные в гротескные воронки. Найдшимся на борту казалось, будто небеса бросили в бой все известные им стихии, дабы сокрушить эту созданную человеком

птицу, посмевающую бросить вызов пространству. И Икс1572 продолжал двигаться вперед, окутанный светящейся фиолетовой сферой.

Когда бомбардировщик влетел в этот крутящийся водоворот, пилоты изо всех сил пытались удержать его в горизонтальном положении, невзирая на зияющую дыру в верхнем правом крыле. Баланс аэродинамического давления нарушился, и машина сильно накренилась влево, преодолевая мощную тягу, которая сковала её, но все же продолжала лететь по прямой. Затем, словно шагнув в геенну огненную, Икс1572 вошел в самый центр шторма. Небеса пылали от непрерывных, длинных и ломаных росчерков молний. Багровые языки пламени вырывались из-за туч, а последующий за ними грохот обрушивался на находившихся внутри людей, зловеще угрожая разорвать барабанные перепонки.

Однако фиолетовое сияние – светящаяся защитная сфера – неотступно следовало за бомбардировщиком, пока вдруг по какой-то причине прибор на законцовке правого крыла не ослепил всех яркой вспышкой и не погас. В то же мгновение бомбардировщик оказался во власти разрушения.

Крушение впереди!

Мощные вихри подхватили корабль и закружили его в безумном танце, словно пьяную, беспомощную щепку. Он вращался, кренился и вставал на хвост, ежесекундно угрожая сорваться в плоский штопор, из которого уже невозможно будет выйти. За пределами тусклого света, падавшего из иллюминаторов от бортового освещения, небеса были чернее адской бездны, и лишь ярко-синие сполохи молний на мгновение выхватывали из тьмы контуры крыльев.

Вглядываясь в черноту, профессор Хэмлин и Маршалл Даннинг заметили, что далеко на правом крыле на ветру бешено хлещет длинный обрывок кабеля. Молодой физик тут же отключил ток от укротителей бурь и посмотрел на суровое лицо своего друга, профессора Хэмлина.

– Похоже, нам конец, профессор, – удрученно произнес он. – Когда с крыла сорвало обшивку, она, должно быть, перерезала кабель, соединяющий этот прибор с остальными. Понадобилось лишь немного ветра и вибрации, чтобы контакт окончательно разорвался и вся система вышла из строя. В такой шторм починить его невозможно!

Профессор Хэмлин положил руку на плечо физика с песочной шевелюрой и легонько встряхнул его.

– Мы еще не разбились, Маршалл! – твердо сказал он. – Пока мы держимся в воздухе, шанс остается. Возможно, два оставшихся прибора помогут нам выбраться из этой бури туда, где мы сможем выбраться на крыло и связать кабели.

Маршалл Даннинг поднял глаза и улыбнулся, воспрянув духом.

– Давайте попробуем! – воскликнул он, выхватив из заднего кармана плоскогубцы и перерезав кабель правого крыла прямо у самого источника питания.

Профессор Хэмлин обмотал его изолентой и отогнул в сторону, чтобы тот не мешал. Он снова включил ток, пока Маршалл подходил к левому иллюминатору, чтобы проследить за результатом.

В то же мгновение прибор на законцовке левого крыла засиял. Затем между разрядниками проскочила искра. Перед его глазами пронеслась ломаная линия ослепительной искусственной молнии – разрядники между работающим прибором и хвостовым узлом ожили. Фиолетовое свечение тут же снова приняло форму сферы, но эта сфера словно была расколота надвое, оставаясь невидимой с правой стороны. Шторм со всей яростью обрушился на незащищенные правые плоскости, и корабль резко завалился вправо, будто на кончик крыла внезапно опустился огромный груз.

Лишенный защиты справа, Икс1572 начал кружиться на месте – опущенный конец правого крыла служил осью, вокруг которой левое крыло описывало огромные круги. Рули направления, вывернутые до упора влево, нисколько не спасали положение. Тогда пилоты, дога-

давшись в чем дело, закричали по переговорным трубам, требуя сбросить обороты левых двигателей. Однако это не дало никакого эффекта, кроме того, что скорость упала, а сам корабль стал стремительно терять высоту.

Оставалось только отключить ток между двумя работающими приборами, развернуться к ветру хвостом и лететь по его воле, насколько это возможно. Но пилоты, как и профессор Хэмлин со всеми остальными, прекрасно понимали, что вокруг на сотни миль простирается смертельная опасность. Потребовалось бы несколько часов, чтобы добраться до края шторма, даже несясь впереди урагана, а за несколько часов в таких условиях может случиться все что угодно. Лететь по ветру означало лишь одно – шторм будет преследовать их до тех пор, пока полностью не иссякнет, либо пока они не рухнут в Тихий океан, как до них это сделал «Гонолулу» и многие другие корабли.

Отступать было некуда – Икс1572 действительно оказался в отчаянном положении. Будь у него оба крыла целы, он, возможно, и переждал бы бурю. Но с разорванным правым крылом, в пробоину которого с разрушительной силой задувал ураганный ветер, дело принимало совсем иной оборот. Взвесив все обстоятельства и зная, что при исправно работающих укротителях бурь корабль способен полностью нейтрализовать шторм вокруг себя, профессор Хэмлин вызвал командира Икс1572 на срочное совещание.

Доктор Блейкли, бледный от страха, стоял в тесном кругу, образовавшемся вокруг профессора Хэмлина и Маршалла Даннинга. Он ловил каждое выражение, появлявшееся на лице его давнего врага. В поведении секретаря теперь не осталось и следа прежней враждебности. Она давно испарилась перед лицом того, что казалось неминуемой гибелью.

– Джентльмены, – ровным голосом произнес профессор Хэмлин, оглядывая напряженные лица вокруг. – Вам придется признать, что приборы мистера Даннинга для нейтрализации бурь доказали свою эффективность вне всяких сомнений. Каждый из вас видел защитную оболочку, которую они создали вокруг корабля, нейтрализуя бушевавший повсюду шторм. Вы знаете, что град пробил зияющую дыру в правом крыле, из-за чего оборвался кабель нейтрализатора, выведя из строя всю систему. Все вы понимаете, что в нынешних обстоятельствах наши дела плохи. У меня есть план, который может спасти наши жизни, доказать, что наши изобретения – именно то, в чем нуждается мир, и благополучно привести Икс–пятнадцать–семьдесят два в Хило. Но ради исполнения задуманного кому-то из нас, возможно, придется отдать свою жизнь, чтобы остальные могли выжить. Я предлагаю свою кандидатуру для этого дела – я выберусь на правое крыло и заново протяну кабель к нейтрализатору!

Маршалл Даннинг смертельно побледнел.

– Это самоубийство, профессор Хэмлин! – воскликнул он. – Попытка сделать это означает верную смерть! Помните, у вас семья. Вы не можете так поступить, сэр! Я моложе, сильнее, и меня ничто не держит! Позвольте мне...

Глава 5

Выбор жертвы

Пожилой физик положил тяжелую руку на плечо Даннинга и покачал головой.

– Нет, Маршалл! – тепло произнес он. – Твои руки еще не обрели былую силу. Ветер просто сдует тебя с крыла. К тому же ты не сможешь связать кабели онемевшими пальцами! Мой план таков: вы обвяжете меня веревками, и, если меня снесет с плоскости, вы затащите меня обратно в корабль через смотровой люк. Джентльмены, давайте не будем терять время на споры! Это нужно сделать всё прямо сейчас – правый нейтрализатор должен быть запущен, иначе через несколько минут шторм раздавит этот корабль, как яичную скорлупу!

– Профессор Хэмлин, – вмешался командир экипажа Максвелл. – Как командир этого корабля, я запрещаю вам так рисковать! Любой из моих людей мог бы выбраться туда, восстановить соединение и благополучно вернуться; я и сам могу это сделать. Так что либо отойдите в сторону и разрешите мне идти, либо давайте тянуть жребий. Каждый член моего экипажа сейчас необходим на своем посту. Человека, который соединит кабель, придется выбрать из нашей группы!

– Что ж, тогда тянем жребий, командир! – покорно согласился ученый.

Капитан Максвелл достал из кармана полдюжины спичек, откусил кончик одной из них и перемешал их. Невзирая на протесты репортеров, он велел им отойти в сторону и протянул спички оставшимся, крепко зажав их между большим и указательным пальцами так, чтобы никто не мог увидеть, какая из них самая короткая. Два правительственных чиновника вытянули свои. Командир Максвелл взял одну себе и незаметно зажал в левой ладони. Свой выбор сделал Маршалл Даннинг, затем – профессор Хэмлин. Все держали деревянные палочки в сжатых от напряжения кулаках.

Оставалась последняя спичка. С округлившимися от ужаса глазами и землистым лицом доктор Блейкли протянул дрожащую руку и выдернул её из пальцев офицера. Секретарь, у которого руки ходили ходуном, словно при параличе, долго смотрел на то, что ему досталось, беззвучно шевеля губами.

– Джентльмены, – внезапно нарушил тишину профессор Хэмлин. – Выпало мне! Вот мой жребий!

Он раскрыл ладонь, на которой лежала укороченная спичка. Командир Максвелл пристально взглянул на неё и покачал головой.

– Но–но, профессор, этот номер не пройдет! – отрезал он. – Вы сами сломали спичку! Я видел, как отломанный кончик упал на пол! Вот, смотрите, – он снял с губ крошечную щепку и показал её присутствующим. – У меня остался кусочек спички, который я откусил зубами! Это благородный поступок с вашей стороны, сэр, но тот, кто действительно вытянул короткую спичку, должен признаться как мужчина! У кого она?

Все глаза, блуждавшие по замершим людям, в конце концов скрестились на докторе Блейкли. Он стоял, уставившись на обрубок деревяшки, лежавший на его дрожащей ладони. Конец спички был неровно откушен острыми зубами командира и с одного края все еще оставался влажным. Наконец секретарь поднял глаза и встретил пронзительный взор профессора Хэмлина. Он заметно вздрогнул, но, к полнейшему изумлению ученого, вдруг расправил плечи и сделал шаг вперед.

– Хэмлин! – произнес он, отдавая спичку офицеру. – В жизни практически каждого мужчины наступает момент, когда он должен отстоять свою честь, иначе его до конца дней будет преследовать проклятие трусости! Я всю жизнь был трусом, Хэмлин! Жалкой дворнягой, которая только лает, но никогда не кусает, потому что боится. Я ждал случая расквитаться с тобой за какую–то выдуманную обиду. Даже сам не знаю за какую! Но я... я выйду на это крыло и

протяну кабель! Если я погибну – если меня сдует, – мир по крайней мере будет знать, что я ушел как мужчина. Если останусь жив, надеюсь, ты забудешь нашу былую вражду и станешь мне другом! Я готов, джентльмены!

Если бы в профессора Хэмлина, Маршалла Даннинга и остальных ударила молния, они и то не были бы так потрясены; хотя истинный смысл слов секретаря понимали разве что двое его коллег. Профессор Хэмлин, взгляды ваясь в черты своего недавнего врага, почувствовал, что в речи Блейкли сквозило что-то по-настоящему трагическое. И хотя казалось, что этот человек сумел перешагнуть через собственный страх, физик понимал, какая жестокая внутренняя борьба сейчас шла в нем.

Выбраться на крыло в таких условиях было поистине героическим безумием. Смерть казалась неминуемой. Даже с веревочной страховкой, которая не позволила бы ему рухнуть в голодные волны далеко внизу, шансы были десять к одному, что яростный поток воздуха швырнет его на плоскость и разобьет тело о металлический борт фюзеляжа! Спасти его могло только чудо.

Отдавал ли доктор Блейкли себе в этом отчет, принимая решение, никто не знал. Однако по тому, как уверенно он облачался в тяжелый меховой летный комбинезон, можно было подумать, будто ему не впервой ползать по крыльям самолета в бушующий ураган. Перед лицом смерти он держался на удивление хладнокровно. Возможно, в докторе Блейкли действительно проснулась его лучшая сторона, благородное сердце, которое внезапно заявило о себе. Такое порой случается. И обычно это происходит именно в подобных критических обстоятельствах. Только десница Божья способна вдохнуть мужество бойца в душу трепещущего труса.

Когда Блейкли надевал утепленный шлем, готовясь протиснуться через смотровой люк на правое крыло бомбардировщика, его губы дрожали. Но он заставил себя собраться, когда профессор Хэмлин, преодолевая дикую качку швыряемой из стороны в сторону машины, сумел пробраться к нему по узкому проходу. Хэмлин заметил, что глаза секретаря были влажными от слез.

На крыле!

– Блейкли, давай лучше я пойду, – прошептал физик, наклонившись к самому уху секретаря.

Доктор Блейкли решительно покачал головой.

– Спасибо, Хэмлин! – ответил он, оценивающе глядя на коллегу. – Я выиграл это право, и я это сделаю! Перед уходом я хочу извиниться перед тобой за все свои прежние поступки, профессор. Есть и другие люди, которым мне хотелось бы сказать пару слов, но придется попросить тебя передать их. Все, кто меня знал, наверняка считали меня подлецом. Надеюсь, это испытание полностью изменит мою жизнь. Если я выживу, то постараюсь загладить свою вину за прошлое.

– Это очень благородно с твоей стороны, Блейкли, – сказал физик. – Желаю удачи, старина! Когда доберешься до прибора, хватай тот болтающийся кабель и прикрути его к одной из опор двигателя. Ты потащишь за собой другой кабель, и когда закрепíš их, скрепи их вместе. Мы будем готовы затащить тебя обратно в корабль, как только ты подашь знак взмахом руки. По пути крепче держись за стойки мотора. По рукам, Блейкли?

Его глаза все еще были влажными, но в них горел решительный огонь. Доктор Блейкли протянул руку и крепко пожал руку профессора Хэмлина, пока Маршалл Даннинг обматывал вокруг его талии толстый манильский канат, завязывая сзади на тройной прямой узел. Секретарь повернулся к студенту с песочной шевелюрой.

– Ты настоящий мужчина, Даннинг! – просто сказал он. – Ты самое ценное достояние нашего старого института. Надеюсь, ты далеко пойдешь, парень!

– Спасибо, доктор Блейкли, удачи вам! – ответил юноша, взгляды ваясь в наполовину скрытое шлемом лицо.

Было что-то жалкое в облике доктора Блейкли, когда он поднимался по короткому трапу с решетчатыми ступенями в смотровой отсек. Профессор Хэмлин, лезший следом за ним, протянул руку и сжал его лодыжку в знак ободрения. Секретарь тихо хмыкнул в ответ и присел на верхней площадке, готовый высунуться навстречу яростной стихии, как только люк распахнется.

Командир экипажа Максвелл пригнулся рядом и мощным толчком вытолкнул створки люка вверх. Сбалансированные противовесами, они открылись довольно легко, но ураганный ветер со злобой ударил по ним. Доктор Блейкли помог ему, и они зафиксировали люк в открытом положении. Внутри хлынул сплошной поток воды, мгновенно промочив их до нитки. Ветер зловеще завывал в проеме, прижимая находившихся внутри к полу.

Мощные струи воздуха от вращающихся пропеллеров создавали колоссальное давление, направленное назад, и едва не сдули Блейкли. Яростный ливень хлестал по нему, угрожая разорвать в клочья. Он повернул голову набок, чтобы перевести дух, а затем с медленным, могучим усилием выбрался из отсека и пополз по верху фюзеляжа к центральным опорам двигателя, таща за собой кабель и страховочный канат.

Вытравливая тросы, профессор Хэмлин беззвучно молился о том, чтобы этот человек преуспел в своих трудах и вернулся целым и невредимым. Икс1572 безумно кренился на ветру и опускал нос, но пилоты всеми силами удерживали машину. Длинные зигзаги молний прорезали небеса. Разряды с грохотом проносились в опасной близости, порой озаряя внешние конструкции мертвенным сиянием.

В крошечной тьме доктор Блейкли полз по поверхности бомбардировщика, словно змея. Он прижимался к ней как можно плотнее, уткнувшись лицом в покрытый ледяной коркой металл, чтобы защититься от обжигающих порывов ветра. Вытягивая руки вперед по рифленой поверхности в поисках хоть какой-то опоры, за которую можно было ухватиться и подтянуться, он наткнулся на зазубренные края разорванной стали. Когда один из радиальных двигателей взорвался, осколки пробили конструкцию бомбардировщика, оставив торчащие вверх острые, как иглы, заусенцы.

Не обращая внимания на порезы на ладонях, он напряженно полз вперед, каждую секунду ожидая, что его швырнет в бурлящую бездну внизу. При каждом резком нырке Икс1572 ему казалось, что конец уже близок. Но, как ни странно, страха он не испытывал. Когда корабль внезапно попал в воздушную яму и провалился на несколько сотен футов, у него в животе всё перевернулось. С трудом сглотнув слюну, он наконец добрался до центральных стоек двигателя и остановился, чтобы перевести дух.

Чуть отдышавшись и крепко держась одной рукой, продетой в облегчающие конструкцию отверстия опоры, при этом его плечи находились в опасной близости от бешено вращающихся винтов, он вытащил из куртки фонарик и направил узкий луч света вдоль правого крыла. Спрятав фонарик обратно в карман, он пополз вперед, плашмя растянувшись на животе, вытянув руки между стойками. Ослепительные вспышки яростных, внушающих трепет молний озарили почерневшее небо.

В этом свете он увидел законцовку крыла в семидесяти пяти футах от себя. Там находился маленький, компактный укротитель бурь. Ему нужно было добраться до него. И он начал понимать, что самая опасная часть пути пролегает между последним радиальным двигателем и прибором. Между ними была голая металлическая поверхность шириной в дюжину футов. Как перебраться через нее, если нет никакой опоры, даже малейшего выступа, за который можно зацепиться рукой? Что ж, подумал он, продвигаясь вперед, об этом он побеспокоится, когда доберется до места!

Грянул оглушительный раскат грома. Доктор Блейкли инстинктивно вжался в обшивку. Конструкция бомбардировщика содрогнулась от жуткой вибрации. Он зажмурил глаза, ожи-

дая, что самолет рухнет вниз. Но что—то более могущественное, чем стихия, казалось, удерживало его в воздухе. Спустя мучительные секунды он снова двинулся в путь.

От нечеловеческих усилий ему стало невыносимо жарко, несмотря на резкий холод разреженного воздуха и лед, покрывавший корабль тонкой, скользкой коркой. Шел дождь, но это был холодный, ледяной дождь, который пропитывал его меховой комбинезон насквозь и примерзал к ткани, превращая ее в лед. Но доктор Блейкли этого не замечал. Его борьба с ревущим ветром требовала столько сил, что он даже не почувствовал, как его одежда примерзает к ледяной обшивке. Ему приходилось напрягать все мышцы, чтобы продвинуться хотя бы на дюйм!

Спасение

В конце концов он обнаружил, что цепляется за крайнюю опору двигателя. В дюжине футов находился бесполезный сейчас нейтрализатор. Он слышал щелчки болтающегося кабеля даже сквозь вой ветра и грохот грома. Кабель щелкал, словно кнут, поскольку ветер уносил его назад за крыло. Вцепившись в перфорированные опоры двигателя, он нащупал фонарик. Найдя его, Блейкли посветил вперед, на кончик крыла. Перед ним зияла огромная дыра, пробитая в обшивке градом. Обнажившиеся перфорированные лонжероны заставили его сердце радостно забиться. Протянув руку, он ухватился за распорку и перемахнул в пролом, где на мгновение замер, тяжело дыша.

Ветер рвал его комбинезон и завывал жуткую песню смерти. Он уткнулся лицом в руки, спасаясь от жалящих ударов мокрого снега и дождя. Когда он снова поднял голову, кожа на руках прилипла к металлу, но боли он не почувствовал. Его пальцы, давно онемевшие от холода, казались костяными. Они были изрезаны и изранены, а кровь на них замерзла. Доктор Блейкли уже давно потерял всякий страх перед смертью. Сейчас в его голове была одна—единственная мысль: он должен добраться до нейтрализатора, подтянуть болтающийся кабель и связать его с тем, который он тащил за собой. Он инстинктивно потянулся назад, проверяя его наличие. Кабель по—прежнему был там, где его закрепил Маршалл Даннинг. Страхочный канат был натянут. Блейкли безумно рассмеялся, коснувшись пеньки.

Путь через разделявшее их расстояние обернулся для доктора Блейкли страшной пыткой. Зазубренные края разорванного металла цеплялись за куртку. Ремни, плотно фиксировавшие штанины комбинезона вокруг лодыжек, сорвались и болтались на ветру. Они то и дело цеплялись за рваную сталь, и он вырывал их с мясом, оставляя кожу и кровь на державших его препятствиях. Он снова остановился и посветил фонариком. Он двигался по этому неверному участку пути так быстро, что достиг нейтрализатора прежде, чем осознал это. Еще один мощный рывок — и он пролетел бы мимо, сорвавшись с крыла навстречу... чему? Смерти!

Он остановился и истерически рассмеялся при мысли о смерти. Каким же желанным избавлением она стала бы от жгучей боли его ран! Но доктор Блейкли еще не был готов умереть. Ему нужно было выполнить долг перед этой жизнью, прежде чем покинуть ее. С этой мыслью, громко звучавшей в его мозгу, он онемевшей рукой ухватился за металлическую опору и далеко высунулся над крылом. Внезапный порыв воздуха подхватил его и едва не сорвал пальцы. Но его рука намертво вцепилась в распорку и отказалась разжиматься. Кости и сухожилия выдержали его вес и ярость терзавших его стихий.

Одна нога соскользнула с кромки крыла. Почувствовав, что падает, он сверхчеловеческим усилием сумел взобраться обратно. Почти обессиленный, он провел рукой по корпусу нейтрализатора в поисках места крепления кабеля. Он нащупал выступ на стальном кожухе прибора. Это было все. Он понял, что это кабельный разъем, поскольку дальше поверхность нейтрализатора была гладкой. Его рука продвинулась по кабелю на несколько дюймов, и он намертво сжал на нем свои замерзшие пальцы.

Медленно, очень медленно он подтягивал провод к себе, сматывая его под своим телом. Секунды тянулись как вечные столетия, и вот вспышка молнии осветила конец кабеля, оказав-

шийся в пределах досягаемости. Он схватил его и прижал к себе, бормоча что-то невнятное, словно лишившаяся рассудка мать над телом умершего младенца. Глухие рыдания вырывались из его потрескавшихся, обмороженных губ. С чувством, похожим на растущую радость в онемевшем теле, доктор Блейкли пополз обратно к зазубренной дыре. Остановившись, чтобы продеть кабель сквозь одно из отверстий в лонжероне и зафиксировать его, он мертвой хваткой обхватил ногами распорки.

После того, что показалось часами мучительных истязаний, он снова забрался под защиту опор радиального двигателя. Обвив их ногами, он улегся на живот и медленно связал два кабеля вместе. Его руки, потерявшие всякую чувствительность, были почти бесполезны; и все же каким-то чудом он соединил провода, туго обмотал их изоляцией и надежно прикрутил к стойке, за которую держался.

Чудовищная вспышка прорезала небеса, и последовавший за ней громовой удар обрушился на него, словно молот. Двигатели чихнули – на одном из левых моторов произошло короткое замыкание. Оглушенный, потерявший сознание доктор Блейкли обмяк. Его ноги, сжимавшие опору, разжались. Икс1572 сорвался в крутое пике и с тошнотным вращением понесся вниз.

Высунув голову и плечи из открытого люка, профессор Хэмлин увидел, как при падении бомбардировщика из кармана доктора Блейкли выскользнул фонарик. Фонарь, посылая слабый луч во тьму, покатился по крылу и исчез. С громким воплем физик принялся отчаянно выбирать страховочный канат. Трос рвануло с такой силой, что он едва не выскочил из рук, когда тело секретаря соскользнуло с крыла и повисло на конце пеньковой веревки. Люди, находившиеся у люка, принялись лихорадочно тащить канат на себя. Обмякшее тело доктора Блейкли раскачивалось под фюзеляжем, словно огромный маятник, пока самолет выравнивался, а укротители бурь начинали светиться.

Не смыкая глаз, профессор Хэмлин следил за человеком, чья враждебность делала его жизнь в Технологическом институте далеко не сладкой, и наблюдал за тем, как тот связывал кабель. Доктор Блейкли работал при свете своего фонарика. Он закончил как раз в тот миг, когда разряд ударил в двигатель. Маршалл Даннинг по команде физика мгновенно пустил ток на три нейтрализатора. И теперь огромный бомбардировщик снова плавно пошел вперед, надежно укрытый защитной оболочкой фиолетового пламени. Словно миниатюрный самолетик внутри светящегося мыльного пузыря, Икс1572 летел сквозь шторм на ровном киле! Стихия была укрощена!

Конец полета

Теплилась ли еще жизнь в теле доктора Блейкли, они не могли знать, пока не заташат его в корабль. Теперь они тянули страховочный трос бережно и плавно. Доктор Блейкли был грузным человеком, но за канат ухватилась дюжина рук. Канат быстро втягивали через открытый люк, и вскоре профессор Хэмлин высунулся наружу и схватил куртку обмякшего секретаря. Готовые помочь руки подхватили его и опустили внутрь корабля. Безжизненное тело сразу же положили на пол между пулеметными турелями. Те, кто видел его растерзанную плоть, содрогнулись.

Но профессор Хэмлин при помощи командира Максвелта и Маршалла Даннинга тут же склонился над ним, растирая его бескровные ладони. Лицо его было неузнаваемо. Щеки обморозились до такой степени, что кожа потрескалась и распухла. С пальцев и ладоней была содрана кожа, а ноздри забились льдом, который медленно, очень медленно таял в тепле отсека. Доктор Блейкли еще не умер; но он был так близок к гибели, что профессор Хэмлин не шутя испугался. Сердце мужчины трепетало слабо, но все же билось. Обнаружив это, физик и остальные лихорадочно захопотали вокруг него. Из бортовой аптечки достали чистый спирт и обработали обмороженное тело секретаря. Заботливые руки нещадно растирали его. Вскоре он открыл глаза и смертельно напуганным взором обвел все вокруг.

Когда несколько часов спустя бомбардировщик армии США Икс1572 приземлился в Хило, доктор Блейкли был совершенно безумен. Он впал в буйный бред еще в тот момент, когда бомбардировщик мчался сквозь яростную стихию под защитой фиолетовой сферы атмосферной нейтрализации. Профессору Хэмлину и командиру Максвеллу пришлось привязать секретаря к узкой койке, чтобы он не покалечил себя и окружающих. Безумец буйствовал до тех пор, пока командир не сделал ему инъекцию успокоительного. Теперь, когда его выносили из самолета в ожидавшую машину скорой помощи, которую командир Максвелл вызвал заранее по радио, секретарь снова бредил, полностью лишившись рассудка. Едва дверцы машины захлопнулись, она сорвалась с места и помчалась к военному госпиталю.

Вырвавшись из толпы зевак и назойливых газетчиков, профессор Хэмлин и Маршалл Даннинг поспешили вслед за скорой помощью. Репортеры неотступно следовали за ними, щелкая затворами фотоаппаратов и крутя катушки кинокамер. Однако ученые наотрез отказывались давать интервью, пока час спустя не вышли из здания госпиталя и не объявили миру, что после нескольких недель отдыха доктор Блейкли поправится и отделается лишь потерей нескольких обмороженных пальцев. Они рассказали, как секретарь спас им жизнь своим героическим поступком. Профессор Хэмлин сделал паузу и указал на Маршалла Даннинга.

– Вот, друзья мои, – улыбнулся он, – стоит человек, перед которым в долгу весь мир! Мистер Маршалл Даннинг – главный укротитель бурь на всей планете! Исследования мистера Даннинга позволили нейтрализовать стихию, так что будущей авиации больше не страшны никакие штормы. Он покорил все, что природа ставила на пути человека к завоеванию воздушного пространства! Вся заслуга принадлежит ему. Я выступал лишь в роли его помощника в деле обеспечения безопасности человека и его механических птиц. Возможно, по нему этого и не скажешь, джентльмены, но Маршалл Даннинг, вне всякого сомнения, величайший физик, которого когда-либо знал мир. Это мое официальное заявление, так его и напечатайте!

Лицо Маршалла Даннинга густо покраснело. Он неловко запустил изувеченные ладони в свои песочные волосы и с трудом подбирая слова.

– Не верьте ему, джентльмены! – настаивал он. – Пока я валялся в постели и бездельничал, профессор Хэмлин сам построил приборы для нейтрализации бурь. Без его бесценного мастерства ничего бы не вышло. А что касается звания лучшего укротителя бурь в мире, уверяю вас, я всю дорогу от Штатов был напуган до полусмерти!

Репортеры дружно расхохотались – не над словами Маршалла Даннинга, а над его искренним смущением.

– А как насчет правительства Соединенных Штатов, профессор? – спросил репортер с серьезным лицом. – Выкупили ли они права на укротители бурь?

Остальные журналисты затаили дыхание в ожидании ответа. Это была бы сенсация при любом исходе.

– Два представителя правительства, летевшие с нами, твердо заявили, что Соединенные Штаты выкупят все права на эти приборы, джентльмены, – ответил профессор Хэмлин. – Более того, правительственная награда за это достижение вместе с наградами, предложенными другими странами мира, достанется Маршаллу Даннингу и мне. Мы уже решили, что половина этого баснословного состояния будет передана Технологическому институту в Пасадене для учреждения Фонда Маршалла Даннинга по развитию физических наук.

Они попозировали для очередной порции снимков, сказали несколько слов перед батареей микрофонов и скрылись в здании госпиталя, чтобы дожидаться момента, когда им разрешат навестить своего друга, доктора Блейкли.

Излишне говорить, что авиация отныне встала на куда более прочный фундамент, чем когда-либо прежде! Ни один летательный аппарат любого типа отныне не считался укомплектованным и не получал одобрения Департамента авиации, пока не оснащался "Укротите-

лями бурь Даннинга". Благодаря этому человек наконец-то полностью подчинил себе воздушную стихию!

А Маршалл Даннинг был абсолютно счастлив.

Метеор «Мёртвая голова»

Нил Р. Джонс

Высоко–высоко, на самом верхнем этаже стоэтажного здания, за письменным столом сидел человек. Перед ним выстроились ряды циферблатов, переключателей и сложных электрических приборов. В стене над его столом то и дело вспыхивали и гасли несколько сотен стеклянных лампочек самых разных размеров. На его голову и уши была надета блестящая серебряная шапочка, от макушки которой к стоявшему перед ним аппарату тянулся провод. Это был один из межпланетных радиооператоров двадцать шестого века, который ежедневно отправлял и принимал сообщения, связывавшие Марс и Землю.

Внезапно одна из самых больших стеклянных ламп ярко вспыхнула, и с яростным треском электрическая искра пробила зазор между двумя металлическими цилиндрами, расположенными параллельно друг другу на расстоянии примерно одного фута. В то же самое мгновение оператор подался вперёд и привычным движением быстро повернул несколько регуляторов в нужные положения, после чего переключил тумблер. Комнату наполнил низкий гул, и большой цилиндр, на который был намотан непрерывный лист тонкого алюминия, начал медленно вращаться. Когда яркая сине–белая вспышка в стеклянной лампе угасла, гул перешёл в пронзительный визг, который резко оборвался. Цилиндр остановился, а множество крошечных стеклянных лампочек снова начали загораться по отдельности с разной периодичностью, как и до получения сообщения.

Оператор потянул за рычаг сбоку, и небольшой ролик прошёлся по большому цилиндру, отрезая лист тонкого алюминия, который упал на стол прямо перед ним. На тонкой металлической поверхности было выбито сообщение с Марса на трёх всемирных языках Земли. Теперь радиооператор перевёл взгляд на гладкую полукруглую пластину длиной около двух футов и шириной в один фут. На плоской стороне этой толстой композитной плиты вертикально под прямым углом поднимался чёрный экран высотой в несколько футов, обращённый к оператору. Положив алюминиевый лист на пластину, оператор щёлкнул другим переключателем, одновременно нажав кнопку с надписью «Метеорологическое бюро». Экран внезапно засветился, отбрасывая поток оранжевых лучей по косой вниз, на пластину с узким листом алюминия. Контур листа стали расплываться и в конце концов полностью исчезли из виду. Радист снова выключил тумблер, и экран опять почернел. Пластина теперь была такой же пустой и чистой, как и до того, как он наложил на неё сообщение.

В Метеорологическом бюро, за две тысячи миль отсюда, сотрудники читали переданное по радио сообщение с алюминиевого листа. Один из них, пожилой мужчина, подошёл к противоположному концу комнаты, стена которой была разделена панелями на квадратные секции. Цвет стены внутри тёмного обрамления был тускло–серым. Он ступил на круглую металлическую вставку в полу. Едва его ноги коснулись металла, как на поверхности стены внезапно вспыхнуло изображение, а до его ушей донеслись возгласы и громкий смех. Пожилой учёный заглянул в уютную комнату, обставленную кушетками и мягкими креслами. Там находились всего четыре человека – молодые люди, увлечённо игравшие за одним из столов.

Игра тут же прекратилась, когда вся четвёрка вытянулась по струнке перед своим начальником, который произнёс:

– Ян Трентон.

– Я здесь, сэр.

– Готовьте свой корабль к немедленному вылету. Я получил сообщение из марсианской обсерватории во Фомаре. В нём говорится, что со стороны Юпитера и группы астероидов приближается несколько крупных метеоров. Сегодня в двадцать три часа сорок три минуты по земному времени они пройдут близ Марса, в двухстах тысячах миль над его Южным полюсом.

Из прошлого опыта вы знаете, что от вас требуется. Доставьте образцы для анализа в Бюро, а также любые драгоценные камни или металлы, которые вам удастся обнаружить.

Учёный снова повернулся к своим коллегам, и едва его ноги сошли с металлического участка пола, изображение мгновенно исчезло, а телевизионный экран уступил место мрачному серому цвету стены.

На базе космических кораблей, в том же огромном городе, где находилось Метеорологическое бюро, Ян Трентон начал готовиться к полету. Войдя в служебный лифт, он с головокружительной скоростью устремился вверх по шахте высотного здания к самой крыше. Последние пять этажей представляли собой открытые посадочные площадки для воздушных и космических судов. Первый уровень предназначался для воздушных кораблей, курсирующих между портами Земли; второй был зарезервирован для грузовых космических судов, летающих на Марс и обратно; на третьем размещались грузовозы, работающие между Венерой и Землёй; четвёртый же был отдан под пассажирские перевозки между Землёй и обеими планетами. Самый верхний посадочный уровень использовался для различных второстепенных нужд, и за Метеорологическим бюро была зарезервирована одна из его секций.

В открытый космос

Выйдя на крышу, Ян застал там привычную суету: космические флайеры и земные воздушные суда то и дело взлетали и садились. Он направился к ангару Метеорологического бюро и вошёл внутрь. Длинный ряд небольших космических флайеров стояли борт к борту. Как и большие космические корабли, они приводились в движение атомной энергией. В открытом космосе можно было развить колоссальную скорость, и на фоне этих аппаратов фантастическая скорость движения Земли и других космических странников выглядела так же бледно, как скорость черепахи в сравнении с прытью дикого кролика.

Молодой астронавт подошёл к своему крошечному космическому флайеру. По форме тот напоминал яйцо, только более вытянутое, а его концы сужались в тупые наконечники, вместо того чтобы быть закруглёнными. Шасси состояло из четырёх вращающихся металлических сфер, встроенных в киль вместо привычных колёс. Корабль был специально приспособлен для исследования метеоров: все его борта были утыканы захватами, шарнирными бурами и когтеобразными железными штангами. Эти штанги, тоже снабжённые шарнирами, могли действовать подобно пальцам, захватывая образцы и складывая их в контейнеры, расположенные вдоль бортов маленькой космической машины. Всё внешнее оборудование управлялось механически изнутри кабины.

Ян проверил кислородные баки и запас топлива, а также протестировал механизмы корабля – всё работало безупречно. Позвав дежурного, они вместе выкатили флайер на посадочную площадку крыши, залитую тёплыми лучами июньского утреннего солнца. Молодой астронавт забрался внутрь, задраил люк и остался один в герметичном отсеке, размеры которого едва позволяли разместиться одному человеку. На приборной панели перед ним красовались циферблаты, рычаги, индикаторы, кнопки и причудливые приборы, управлявшие всеми функциями корабля. Он включил подачу кислорода и регенератор воздуха, позволявший использовать его многократно, после чего толкнул пусковой рычаг вперёд. Корабль резко сорвался с крыши и устремился в безоблачное небо над бескрайним городом двадцать шестого века.

Он поднимался всё выше и выше, пока люди на крыше не потеряли его флайер из виду и корабль превратился в крошечную точку, растаяв в глубокой синеве неба. Город внизу казался размытым белым пятном на зелёном фоне. Ян поднимался всё выше, пока не оказался в разреженных слоях верхних воздушных течений. Стало невыносимо холодно, и молодому астронавту пришлось включить систему отопления. Теперь он постепенно увеличивал скорость с 300 миль в час до 1000 миль в час, стремясь поскорее преодолеть сопротивление земной атмо-

сферы. На такой скорости маленькому космическому флайеру потребовалось совсем немного времени, чтобы оказаться в вакууме открытого космоса.

Корабль был оборудован шестью иллюминаторами из толстого стеклоподобного вещества, окрашенного в глубокий прозрачно-коричневый цвет, чтобы нейтрализовать ослепительный блеск солнца. Иллюминаторы смотрели в шести разных направлениях, и именно через них Ян заметил, как дневной свет угасает, сменяясь абсолютной ночной тьмой, – за исключением тех мест, где сквозь коричневые стёкла сиял пылающий шар солнца. В одно окно он видел изогнутый контур Земли, которую так стремительно покидал, в то время как из пяти других иллюминаторов ослепительное великолепие звёздных скоплений сияло радужным блеском, какого никогда не увидишь с Земли.

Ян не обращал внимания на красоты и чудеса открытого космоса, ведь он видел их уже много раз. Вместо этого он следил за приборной панелью, увеличивая скорость до тех пор, пока не помчался сквозь пустоту в направлении Марса со скоростью две тысячи миль в секунду, поглощая пространство на скорости более семи миллионов миль в час. Пока он находился вблизи Земли, непрерывный поток мелких метеоритов выбивал чечётку по обшивке корабля, но по мере того как Земля оставалась всё дальше позади, сталкиваться с ними приходилось всё реже. Многие из них были крупными и, летя со скоростью от десяти до двадцати миль в секунду, вполне могли повредить флайер. Однако прибор фиксировал приближение крупных объектов: стоило какому-нибудь метеору оказаться в пределах десяти тысяч миль, как внутри корабля раздавался тихий звон, а крошечная стрелка под стеклянным колпаком указывала направление угрозы.

Молодой астронавт мчался сквозь эфирную пустоту на протяжении времени, эквивалентного одним земным суткам. В космосе царил вечная ночь, посреди которой сияло солнце. На неизмеримых расстояниях во всех направлениях раскинулись миллионы светил и миров. Впереди Марс постепенно превращался из тускло-красной огненной точки в розоватую сферу, которая казалась уже такой же большой, какой видится Луна с Земли. Вращающийся шар увеличивался пропорционально скорости сближения, и вскоре стали видны два его мерцающих спутника: один чуть ниже планеты, другой – сбоку от неё. Позади себя он видел Землю, сияющую огромной зелёной звездой первой величины, а присмотревшись внимательнее, заметил рядом с ней крошечную точку света.

Яну очень хотелось бы высадиться на Марсе, чтобы просто размять ноги, но он не смел этого сделать, так как хронометр у его локтя подсказывал, что если он хочет перехватить метеорный поток по ту сторону Марса, ему понадобится каждая секунда. Он стремительно приближался к Красной планете, которая теперь выглядела как огромный шар, заполнивший все три ближайших иллюминатора. Ян обогнул планету, пройдя над её тёмной половиной, погружённой в безмятежность марсианской ночи, и полетел дальше, в сторону Юпитера. Намежив Южный полюс Марса, он вёл корабль примерно в двухстах тысячах миль над ним по прямой линии к великану Юпитеру.

Он пристально следил за шкалой прибора, регистрировавшего приближение гигантских метеоров в радиусе ста тысяч миль, так как вскоре ожидал появления этой группы космических странников, летящих своим бесцельным маршрутом. Если бы он разминулся с ними, пришлось бы совершить посадку на Марсе и запросить в обсерватории новые координаты, прежде чем возобновить погоню. Но Яну этого очень не хотелось – это отняло бы лишнее время и бросило бы тень на его профессионализм. А ведь Ян упорно работал ради продвижения по службе – он мечтал перевестись на пассажирский экспресс между Венерой и Марсом.

Метеорный поток

В кабине раздался звон! Ян взглянул на циферблат и увидел, что стрелка указывает прямо перед ним, по курсу движения. Рой метеоров мчался прямо на него. Он направил флайер под углом и на протяжении нескольких часов непрерывно снижал скорость, пока она не упала до

двадцати миль в секунду. Он уходил в сторону под острым углом, чтобы избежать возможного столкновения.

Следя за стрелкой, он понял, что вскоре метеорный поток окажется на одном уровне с ним. Ян предусмотрительно зашёл со стороны солнца; окажись он с противоположной стороны, метеоры прошли бы в нескольких футах от флайера, и он даже не заметил бы их, если бы не приборы, сигнализирующие о близости объектов.

Теперь он следил за циферблатом, фиксируя меньшие расстояния, и увидел, что до метеоров осталась тысяча миль. Развернув флайер в обратном направлении, он пошёл параллельно курсу небесных тел, снизив скорость до десяти миль в секунду. Дистанция, как сообщал прибор, стремительно сокращалась за счёт догоняющего метеорного потока. Теперь до него оставалось всего пятьсот миль – опасно близко, учитывая, что он не был полностью уверен в их скорости.

Астронавт двигался со скоростью десять миль в секунду в том же направлении, что и метеоры, а скопление, составлявшее метеорный поток, достигало его, из чего он сделал вывод, что их скорость составляет примерно пятнадцать миль в секунду. Он проверил это, разогнав свой космический флайер до той же скорости; поток всё ещё слегка опережал его. Молодой астронавт решил пропустить его вперёд, а затем зайти сзади. Продолжая двигаться со скоростью пятнадцать миль в секунду, он ожидал их прохождения в пяти милях от его курса.

Голова потока состояла из трёх огромных метеоров диаметром более двухсот футов, с неровными, похожими на горы краями, несущимися сквозь пространство. Вслед за первыми тремя шли те, что поменьше.

Он увидел лишь внезапный размытый блик, так как они пронеслись мимо со скоростью, превышающей его собственную на три тысячи миль в час. Увеличив скорость, он начал нагонять метеорное скопление сзади, готовясь к опасной работе: поравняться с одним из метеоров на абсолютно той же скорости и зацепиться за него захватами. Это требовало стальных нервов, точности и ловкости – немало астронавтов нашли свою смерть, пытаясь «оседлать» метеор в космических морях.

Вскоре он догнал космических странников и пронёсся рядом с ними. Настроить скорость точь-в-точь под скорость метеорной группы оказалось непросто и когда он сбавил ход, метеоры снова промелькнули мимо, отражая падающий на них солнечный свет. Лишь благодаря ювелирному управлению маленьким космическим кораблем астронавту наконец удалось пойти вровень с метеорным потоком всего в ста ярдах от него.

Молодой астронавт выбрал ближайший из крупных метеоров и направил свой космический корабль по пологой траектории, которая постепенно сближала курс флайера с траекторией метеора, сводя их вместе. Одна его рука лежала на переключателе захватов, а другая – на рычагах управления. Вся непосредственная опасность будет позади, когда он зацепится за небесное тело, но это была рискованная работа, требовавшая опыта, мастерства и крепких нервов, чтобы успешно пришвартоваться к гигантскому метеору.

Солнце изливало свой ослепительный свет на суровую, неровную поверхность исполинского метеора, резко высвечивая каждую деталь. Залитые солнцем участки пестрели на его поверхности, перемежаясь многочисленными тенями, поскольку из-за изрезанного рельефа солнечные лучи не могли осветить всю обращённую к светилу сторону метеора. Поскольку у огромной глыбы не было атмосферы, эти тени были прорисованы с невероятной резкостью, так что залитая солнцем сторона метеора предстала перед молодым астронавтом чередой глубоких провалов и ярко освещённых утёсов.

«Вероятно, обломки старой кометы», – подумал Ян, задумчиво глядя на метеор, к которому он медленно, но верно приближался.

Удивительно, насколько странной была его форма: раздутая сверху и сужающаяся книзу. Почему-то она неприятно напоминала ему о чём-то, что он когда-то видел, но не мог вспом-

нить в данный момент. Он находился уже в ста футах от огромного обломка скалы, и расстояние постепенно сокращалось, пока они вместе неслись сквозь пространство со скоростью шестнадцать миль в секунду.

Внезапно неприятное открытие поразило разум молодого астронавта. Приблизившись к метеору, он понял, на что тот похож и почему так странно потревожил его память. С небольшого расстояния глыба имела идеальное сходство с человеческим черепом – «мёртвой головой»! Здесь был и белый выпуклый лоб, и покатые челюсти, и две огромные круглые тени с третьей чуть ниже посередине, удивительно похожие на запавшие глазницы и впадину носа. С резко прорисованным ртом, метеор являл жуткий застывший оскал смерти! Оскаленный череп злобно уставился на него, словно изрекая зловещее предупреждение!

Ян Трентон не был суеверен. Суеверия полностью вымерли на Земле сотни лет назад. Но внезапность этого открытия и его мертвенный вид потрясли молодого астронавта, и впервые за всю свою карьеру пилота–одиночки он почувствовал, как его придавило непреодолимое чувство одиночества. Здесь, в бездонных глубинах бесконечного космоса, в миллионах миль от друзей и любых проявлений жизни, его единственным спутником было это ухмыляющееся изваяние – одна из причудливых случайностей Вселенной. Откуда прилетел этот метеор? Вероятно, из области астероидов, соседствующей с Юпитером, а возможно, и из–за пределов Солнечной системы, из какого–то другого мира, летя к своей судьбе последнюю пару миллиардов лет или даже дольше.

У него возникло сильное искушение отвернуться от намеченной посадки на этот гигантский метеор и пришвартоваться к одному из двух других, но он мысленно посмеялся над собой и своей вдруг возникшей робостью. Высмеяв собственные страхи, он разогнал мрачные фантазии, навеянные видом «мёртвой головы». Он приготовился довести до конца свой первоначальный план, несмотря на то, что задача теперь казалась странно неприятной.

Молодой астронавт был уже совсем близко – так близко, что метеор возвышался над маленьким космическим кораблем исполинской стеной. Ян замер у рычагов управления захватами, ожидая высшего момента контакта. Тот наступил с ужасающим толчком, который выбросил его из кресла и швырнул на борт флайера, сильно ушибив, как раз в тот момент, когда он перевёл рычаги захватов.

«Должно быть, я совершил небольшую ошибку в расчёте углов», – подумал Ян, так как не был готов к столь сильному удару при столкновении. Как бы то ни было, захваты сработали, и теперь он был, по крайней мере, в безопасности. Однако он опасался, что часть внешнего оборудования пострадала при ударе, но если осталось достаточно для работы на метеоре, это его не заботило – он сможет починить всё по возвращении на Землю или, если уж на то пошло, заглянуть на одну из марсианских станций.

В ловушке!

Он проверил управление захватами, буры для скальных пород и железные захваты и обнаружил, что больше половины механизмов на флайере со стороны метеора были либо сломаны, либо искорёжены. С помощью оставшегося внешнего оборудования он взял образцы вещества метеора, высверлив небольшие куски и поместив их в контейнеры вдоль борта. Следующим шагом было выяснить, содержит ли метеор ценные металлы, неизвестные вещества или драгоценные камни.

Перед ним в верхней части приборной панели в ряд располагались три циферблата. Центральный прибор был огромным, а два его соседа по бокам – гораздо меньше. Каждый из двух малых циферблатов был оснащен небольшим регулятором, перемещавшим стрелку по шкале.

Циферблат слева служил для того, чтобы определять, скрываются ли в метеоре алмазы, сапфиры или другие ценные камни. По всему ободу шкалы были нанесены названия всех известных науке драгоценных камней. Медленно переводя стрелку по кругу и указывая на название каждого конкретного самоцвета, можно было установить наличие одного или

нескольких камней. Над циферблатом располагалась маленькая лампочка, которая загоралась всякий раз, когда стрелка указывала на тип камня, присутствующий в массе метеора.

Маленький циферблат справа работал по тому же принципу, но предназначался для поиска различных металлов.

Вокруг ободка большого центрального циферблата были перечислены все элементы, составляющие Вселенную. Напротив названия каждого элемента находился небольшой индикатор, который мог отклоняться к центру; снаружи располагался ряд маленьких кнопок, каждая из которых была связана с одним из элементов, указанных на шкале.

Нажатие кнопки заставляло крошечный индикатор выйти из нейтрального положения и указать на элемент, при условии, что этот элемент присутствовал в составе метеора. Таким образом, можно было проверить огромное количество комбинаций, не указанных на двух меньших циферблатах, чтобы установить их возможное наличие внутри метеора.

Ян проверил метеор на наличие различных камней. Драгоценностей в нём не оказалось вовсе. Если бы он обнаружил запасы самоцветов внутри этого космического странника, астронавт выбурил бы их (при условии, что они залежали близко к поверхности), так как маленький космический флайер был оснащен функцией определения точного местоположения камней, а также фиксации их близости. В случае, если бы они находились слишком глубоко для поверхностных буров, он занёс бы курс метеора на карту, и, если бы месторождение камней или металлов оказалось достаточно ценным, через несколько дней выслали бы промысловую бригаду, чтобы догнать метеор и извлечь его сокровища.

Теперь он перевёл внимание на правый циферблат, положив руку на регулятор, который двигал стрелку по шкале короткими периодическими рывками. Как он и ожидал, лампочка над прибором вспыхнула, когда стрелка указала на «железо». Он обнаружил, что массивная глыба также содержит никель и небольшое количество платины, однако её было так мало, что она не оправдывала затрат на извлечение. Центральный циферблат подтвердил, что основными составляющими метеора были железо, и, за исключением залежей никеля и платины, он был совершенно лишён других минералов.

Покончив с метеором «Мёртвая голова», Ян решил отцепиться и исследовать два других небесных странника, составлявших метеорный шлейф. Астронавт ослабил захваты и задействовал механизмы управления, которые должны были оттолкнуть его от метеора.

К его удивлению, космический флайер не сдвинулся с места. Он прибавил мощности, но флайер всё равно не поддавался, хотя пилот точно знал, что его атомный двигатель работает безупречно – об этом свидетельствовала приборная панель. Очевидно, сила удара при столкновении с метеором была настолько велика, что маленький космический аппарат намертво застрял в его борту, либо искорёженные части сломанных захватов и другого внешнего оборудования, поврежденного при ударе, намертво заклинило в породе метеора, когда они сошлись вместе. Было ясно, что он крепко застрял и ему необходимо найти способ освободиться из этой ловушки. Теперь он жалел, что не внял мрачным предчувствиям, которые пробудил в его душе вид жуткого метеора, и не избежал контакта с ним. Но с другой стороны, подобное могло случиться с любым пилотом, занятым столь же опасным делом.

Он тщетно манипулировал рычагами управления повреждёнными захватами и шарнирными внешними приспособлениями, но все его попытки были бесполезны – они оставались столь же неподвижными, словно были отлиты в стальной форме. Он стал пленником, добычей метеора «Мёртвая голова», который каждую секунду уносил его всё дальше, несясь со скоростью шестнадцать миль в секунду. Вскоре они пройдут мимо Марса, продолжат путь по траектории где-то посередине между Землей и этой планетой и в конце концов покинут пределы Солнечной системы, устремляясь к далёким звёздам.

Какова будет его судьба? Умрёт ли он от голода или у него закончится запас кислорода? Ян ни на секунду не допускал подобных мыслей. Метеорологическое бюро, видя, что он не

вернулся в положенное время, свяжется по радио с Марсом, и обсерватории обоих миров нацелят свои гигантские телескопы на метеорный поток и обнаружат его бедственное положение. Без сомнения, они следят за ним прямо сейчас, и самые мощные телескопы видят его космический корабль как маленькую яркую точку на одном из трёх крупных пятен. Таким образом, его спасение и освобождение были лишь вопросом времени.

Его размышления были внезапно прерваны сокрушительным ударом, который снова выбросил его из кресла перед приборной панелью, точно так же, как это случилось при посадке на метеор. Что произошло? Метеор, должно быть, столкнулся с чем-то, и это могло быть только одним из двух его спутников, ведь больше в этой бескрайней пустоте сталкиваться было не с чем. Если бы это был другой рой метеоров, его приборная панель сообщила бы об их приближении задолго до этого.

Логическое мышление Яна и его хладнокровие перед лицом тревожной ситуации привели его к следующему объяснению. Когда его космическая машина пришвартовалась к метеору, сила удара оказалась достаточной, чтобы слегка сбить небесного странника с курса. Всё это время тот медленно, но верно сближался в плоскости своего движения со своим более близким соседом, пока они не сошлись под острым углом, вызвав толчок, который он только что ощутил.

«Если это так, – подумал молодой астронавт, – значит, курс метеора, на котором заточён мой космический корабль, после второго столкновения должен был снова измениться».

Он изучил приборную панель и выглянул в коричневое стекло иллюминатора, в чёрную космическую бездну. Зрелище, представшее его глазам, потрясло его своим ужасающим видом, полным зловещей угрозы! Прямо под ним находилась планета Марс, и метеор, изменив свой курс, на полной скорости мчался прямо к ней! Красная планета выглядела огромным полукругом света, и на её диске со стороны неосвещённой половины проступали новые контуры.

Лицо молодого астронавта исказилось от напряжения. Он повернулся к приборной панели и обнаружил, что расстояние между ним и планетой Марс составляет чуть более ста тысяч миль. Он быстро подсчитал, что если ему не удастся освободить космический флайер из плена гигантского метеора, жить ему осталось всего два часа!

Метеор «Мёртвая голова», который по первоначальным расчётам должен был пройти мимо Марса, теперь, из-за двух незначительных столкновений – сначала с космическим флайером, а затем со вторым метеором – на всех парах нёсся прямо на Марс! Ян ясно представил свой конец. Космический странник вместе со своим пленником, мчащийся со скоростью шестнадцать миль в секунду, врежется в марсианскую атмосферу. И хотя она гораздо разреженнее земной, трения будет вполне достаточно, чтобы превратить метеор в пылающий огненный шар, который с пронзительным воем пронесётся сквозь воздух, подобно неумолимому джаггернау-ту, и с ужасающим грохотом зароется в недра Марса!

Отчаянная надежда

Ещё за много миль до того, как метеор врежется в Марс, в верхних слоях разреженной атмосферы молодой астронавт погиб бы от невыносимого жара, вызванного трением воздуха. Под воздействием этой жуткой температуры космический флайер в долю секунды взорвался бы и превратился в пепел, оставив метеору «Мёртвая голова» продолжать свой безумный полёт к гибели!

Ян Трентон быстро вырвался из плена мрачных, леденящих душу мыслей, которые одолевали его разум, сковав его на краткий миг. По земному времени у него оставалось почти два часа до того, как метеор достигнет Марса, и он собирался умереть как мужчина – борясь за свою жизнь до самой последней минуты. Он взглянул в иллюминатор со стороны метеора, чтобы оценить своё положение и понять, каким именно образом он застрял. Холод пробежал по его спине от иронии судьбы! Маленькая космическая машина была намертво зажата как раз

в той тёмной расщелине, которая напоминала рот «Мёртвой головы»! Со стороны казалось, будто оскаленный череп зажал флайер в своих зубах, стремительно унося его в небытие!

Если бы только он мог вырвать застрявшие захваты... Но это было невозможно, поскольку они находились снаружи, где он не мог до них добраться. Он направил атомную энергию во всех направлениях, пытаясь высвободиться, но флайер оставался столь же неподвижным, как если бы был частью самого метеора. Он задействовал колоссальную мощность двигателей позади себя – силу, способную заставить его мчаться сквозь космос на максимальной скорости, будь он свободен. Хорошо, что у прочного маленького корабля не было уязвимых мест, иначе он просто разлетелся бы в щепки. Космическая машина была сделана на совесть, и этот мощный выброс атомной энергии не освободил корабль и не изменил курс метеора, а привёл к совершенно неожиданному результату – метеор начал вращаться вокруг своей оси, медленно поворачиваясь в направлении, противоположном вектору тяги.

Планета Марс с короткими интервалами мелькала в иллюминаторе, её светящийся полукруг отливал тусклым багрянцем. Всматриваясь в окно на протяжении нескольких полных оборотов гигантской глыбы, Ян заметил, что остальная часть метеорного потока исчезла – без сомнения, остальные метеоры продолжали свой прежний путь мимо Марса в безвоздушном пространстве.

У молодого астронавта оставался последний план, и он, не теряя времени, принялся приводить его в исполнение. Он попытался прорубить себе путь наружу с помощью внешних буров, расположенных на той стороне флайера, которой он прижимался к метеору. Вопрос заключался в том, успеют ли буры освободить его до того, как метеор рухнет на Марс. Он быстро потянулся к рычагам управления бурами и обнаружил, что на стороне, обращённой к метеору, неповреждёнными остались всего три устройства. Остальные были либо отломаны, либо искорёжены. Ян запустил их, направив острые наконечники вглубь скалы вокруг точки, за которую цеплялся флайер. Крошечные фонтанчики пыли забарабанили по бортам корабля, когда буры вгрызлись в исполинский метеор, который медленно вращался, неумолимо сокращая расстояние до огромного мира, где ему суждено было погибнуть.

Молодой астронавт наблюдал за работой трёх буров, управляя ими изнутри кабины, и поминутно бросал взгляды то на хронометр, то на Марс, который постепенно заполнял всё его поле зрения. Чувство тоскливого отчаяния сжимало его сердце, а надежда угасала: он видел, что у него осталось меньше трёх четвертей часа. Он высверлил ряд отверстий в метеоре по всему периметру застрявших захватов на расстоянии нескольких дюймов друг от друга. Стальными пальцами на шарнирных штангах снаружи кабины он отламывал разрыхлённую породу, но флайер всё равно цеплялся за поверхность вращающегося метеора, который нёсся к Марсу с пугающей скоростью, сокращая дистанцию почти на тысячу миль в минуту.

И всё же он упрямо работал у рычагов управления; холодный пот выступил на его лбу, пока он наблюдал, как минутная стрелка медленно ползёт по циферблату хронометра. Взглянув на три своих бура, он заметил, что один из них нужно переставить, и изменил его положение. Настроение пилота было на самом дне, но пока в его теле теплилась жизнь, молодой астронавт не прекращал попыток освободить застрявший флайер и спастись. Ян чувствовал, что в своей опасной профессии он слишком долго обманывал смерть, и на этот раз у костлявой в руках были все козыри. Стрелки хронометра подобрались к отметке, показывающей, что у него осталось менее пятнадцати минут. Вибрация буров всё ещё ощущалась внутри корабля, и до ушей пилота доносился непрерывный шорох метеорных осколков, трущихся о борта флайера.

Ян тупо смотрел в иллюминатор, противоположный метеору, вращение которого открывало ему круговой обзор всего небосводоу. Теперь он был так близко к Марсу, что, когда планета проносилась перед глазами, мог чётко различить некоторые горные хребты и плоские красные пустыни. Он с тоской посмотрел на далёкую ярко-зелёную звезду – свой дом, вращающийся на своей орбите где-то в глубинах космоса. Он покинул её в последний раз. Искрящи-

еся звёзды ярко сияли во тьме, а из раскалённой массы солнца вырывались огромные столбы пламени. Метеор завершил очередной свой «день», длившийся чуть больше минуты, и неизбежность гибели становилась всё более зловещей.

Когда на хронометре пошла последняя минута, Ян Трентон приготовился к концу. Заставив три бура работать на максимальной скорости, он врубил полную мощность двигателей в тот самый момент, когда корабль вместе с метеором в своём бешеном полёте ворвался в марсианскую атмосферу. В иллюминаторах резко вспыхнуло ослепительное сияние, а жуткий свист перерос в заунывный вопль. Перед тем как потерять сознание, молодой астронавт ощутил, как его накрыла мощная волна жара, словно из открытого жерла доменной печи.

Метеор врезался в неосвещённую сторону Марса в часы, незадолго предшествующие рассвету. Марсиане, видевшие это, позже описывали его как огромный огненный шар, который пронёсся по небу подобно комете, озарив небеса своим сиянием. Ещё высоко в воздухе он взорвался с оглушительным грохотом, который был слышен за сотни миль. Массы разлетевшихся осколков со свистом вонзились в содрогающуюся землю, взметнув каскады грязи и камней, с корнем вырывая деревья и оставляя огромные кратеры. Казалось, метеор раскололся на два крупных центральных ядра, окружённых осколками поменьше. Те, кто находился вблизи места падения, сообщали об огромной волне удушающего жара, которая накрыла окрестности в момент приземления.

Спасение

Когда Ян пришёл в себя, первое, что он почувствовал стали головокружение и удушливое тепло внутри космического флайера. Он попытался собраться с мыслями. Разве столкновение ещё не произошло? Не могло же быть так, чтобы метеор разминулся с огромной планетой, к которой нёсся столь стремительно. Он растерянно огляделся по сторонам, ещё не до конца придя в чувство. В голове всё ещё туманилось, и он чувствовал себя совершенно измотанным, когда его блуждающий взгляд упал на приборную панель. Она фиксировала предельную скорость!

С огромным трудом он мучительно подтянулся к коричневому стеклу иллюминатора и выглянул наружу – в непроглядную тьму космоса, усыпанную мириадами мерцающих звёзд. Он посмотрел в другую сторону, ища метеор «Мёртвая голова», но того и след простыл. Всё, что от него осталось, – это обломок породы толщиной и длиной около трёх футов, вокруг которого обвилась искорёженные остатки захватов. Над этим метеорным фрагментом всё ещё вращались три бура, один из которых был сломан пополам. Ян оглянулся назад и в иллюминаторе смог различить маленькое красное пятнышко – Марс остался далеко позади и продолжал уменьшаться.

Какое-то мгновение он не мог понять, какое чудо произошло. Затем до него постепенно дошло, что он был вырван из когтей смерти в самый последний момент. Присутствие обломка метеора и удушливая жара внутри кабины свидетельствовали о том, что его избавление произошло прямо перед входом в атмосферу Марса.

Космический флайер с потерявшим сознание молодым астронавтом пронёсся по касательной сквозь самые верхние слои марсианской атмосферы и снова устремился в ледяной космос. Это и объясняло удушливый зной внутри корабля, где из-за сильнейшего трения о тонкий, разреженный воздух обшивка флайера раскалилась. Должно быть, на вылете он преодолел атмосферу на ужасающей скорости. Он пробыл в беспамятстве всего каких-то пять минут, но уже находился почти в пятидесяти тысячах миль от Марса. Он запустил регенератор воздуха, чтобы очистить горячую, спёртую кабину корабля, после чего развернул флайер и взял курс обратно на Марс.

На наземной станции радиоприёма на Земле большая стеклянная лампа в стене над головой оператора внезапно вспыхнула, и электрическая искра с треском замкнула зазор между двумя металлическими цилиндрами. Оператор механически отрегулировал циферблаты и

переключатели, и цилиндр с алюминиевым листом начал вращаться, наполняя комнату монотонным гулом. Когда лампа снова погасла, а ролик остановился, алюминиевый лист отделился от вала и упал на стол перед оператором.

Прежде чем положить его на пластину передатчика и нажать кнопку с надписью «Метеорологическое бюро», оператор в серебряной шапочке с любопытством пробежал глазами текст сообщения. Это был рапорт одного из астронавтов, работающих на правительственное Метеорологическое бюро, по имени Ян Трентон. Судя по всему, он совершил вынужденную остановку на Марсе для проведения некоторого ремонта своего корабля и обещал вернуться к исполнению обязанностей на следующий день.

Такова жизнь астронавта.

Громовержец

А. Г. Джонсон

Глава 1

Далеко внизу и к северо-западу сияли огни Нью-Йорка.

Выше раскинулись звезды летней ночи. На востоке, юге и внизу катились волны Атлантики. Единственными звуками, которые я слышал, были ровный гул мотора моего «Испано-Сюиза Спешл», свист пропеллера и завывание воздуха в расчалках, когда мой самолет рассекал ночную прохладу на скорости 270 миль в час. Я совершал тренировочный полет, испытывая новый тип машины, с помощью которой Соединенные Штаты намеревались вернуть себе Кубок Шнейдера.

Красота неба и зарево огней великого города настраивали мои мысли на созерцательный лад. И вот я здесь – капитан, и притом далеко не безызвестный капитан военно-воздушных сил величайшей державы на земле. Моя машина была боевым самолетом, созданным для сражений, но мне, скорее всего, воевать не придется. Соединенные Штаты жили в мире и, вероятно, так оно и будет оставаться, ибо не существовало нации, достаточно могущественной, чтобы напасть на нас. Нью-Йорк, который некоторые иностранные государства называли «раем для бомбардировщиков», потому что он сосредоточил в себе больше богатств на меньшей площади, чем любой другой город на земле, находился в полной безопасности. Вместо войны мой корабль будет служить лишь в мирных состязаниях. Что ж, пусть так. В гонках на Кубок Шнейдера хватало опасностей, способных удовлетворить кого угодно, за исключением разве что выпускников заочных летных курсов.

Так текли мои мысли, пока я несся сквозь воздух. Затем я ощутил постепенно нарастающий гул далеко на востоке. Сначала я подумал, что это другой самолет, но гул был выше по тональности и гораздо громче, чем был бы звук от самолета, доносившийся с такого расстояния. Больше всего он напоминал мне жужжание огромного шмеля.

Звук постепенно удалялся и практически затих, когда далеко на востоке я увидел то, что принял за мощную вспышку молнии. Минуту или две спустя я услышал глухой рокот грома. Молния сверкнула снова и, казалось, переросла в практически непрерывные разряды. Я вглядывался в небо в поисках туч, но их не было. Мелькнула мысль, что это, должно быть, ужасная гроза, чьи молнии уже видны, в то время как породившие их облака все еще скрываются за горизонтом. Рокот грома стал непрерывным, и мой самолет начало швырять яростными порывами ветра. Далеко внизу поднималось нешуточное волнение. Я увеличил скорость самолета до 300 миль в час, и это несколько выровняло его ход.

Своеобразные особенности бури возбудили мое любопытство, и на несколько минут я повернул самолет ей навстречу. Но ветер был настолько сильным и порывистым, что вскоре я развернулся и взял курс на Лэнгли–Филд. Я не успел улететь далеко, как у меня закралось сомнения, смогу ли я добраться до этой или любой другой земной гавани.

Ветер был чрезвычайно шквалистый и, к моему ужасу, налетал почти со всех сторон света. Раскаты грома не прекращались ни на миг, а вспышки молний превратились в ровное свечение на горизонте. И все же ни единой тучи не было видно, как не увидел я их и на протяжении всей той ночи.

Самолет швыряло из стороны в сторону, он то проваливался, то взмывал вверх; а поскольку это была гоночная машина, лишенная прочности конструкции самолета для высшего пилотажа, я каждую секунду ожидал, что встречные потоки ветра оторвут крыло. Я выжал полный газ, пока мы не понеслись сквозь ночь со скоростью около 450 миль в час, и начал набирать высоту, пытаясь подняться выше бури. Внизу бушевало море. Вскоре подо мной показалось побережье Нью-Джерси. Эпицентр шторма, казалось, находился прямо у меня за спиной, поэтому я направился напрямик вглубь материка.

Ярость ветра заметно утихла, и я взглянул на компас, чтобы сориентироваться. К моему удивлению, компас показывал, что я движусь строго на север, хотя я считал, что держу курс на юго-запад! Посмотрев на небеса, я с ужасом обнаружил Полярную звезду на востоке. Я снова бросил взгляд на компас и обомлел: он крутанулся вокруг своей оси раз или два, а затем указал ровно в противоположную сторону от того направления, куда смотрел только что! Очевидно, на прибор нельзя было полагаться. В тот же миг мой двигатель начал работать с перебойми, а минуту спустя, издав прощальный чих, и вовсе заглох. Я отчаянно пытался запустить его снова.

Делать было нечего, оставалось только совершать ночную посадку в незнакомой местности. Я запустил осветительную ракету, которая высветила открытое поле примерно в двух милях от меня, и пошел на снижение по спирали. Хотя с моей высоты я мог дотянуть туда без труда, я понимал, что посадка на незнакомое поле – это всегда смертельный риск. Поэтому, находясь еще в нескольких сотнях футов от земли, я пустил вторую ракету и к своему ужасу увидел, что все поле усеяно пнями. Но мне приходилось продолжать спуск, и я приземлился на скорости около шестидесяти миль в час (у всех гоночных самолетов высокая посадочная скорость), мысленно поздравив себя с тем, что избежал столкновения с корягами. Однако едва машина потеряла большую часть скорости, я наскочил аккурат на одну из них. Когда я наконец осмотрел самолет, то увидел, что шасси повреждено настолько сильно, что взлететь снова без ремонта было невозможно.

О чем трубили газеты

Вскоре я отыскал дорогу и, поймав попутку, добрался до небольшого городка. Я находился в северной части Нью-Джерси, и, поскольку было уже около часа ночи, я решил провести там остаток ночи, а утром сесть на ранний поезд до Нью-Йорка. Самолет невозможно было сдвинуть с места без аварийной бригады, а вернуться за ним я мог через день-два.

Утром, перед тем как сесть в поезд, я купил нью-йоркскую газету, чтобы ознакомиться с отчетом о странной ночной буре.

Крупным жирным шрифтом в заголовках я прочитал:

ГРАНДИОЗНЫЙ ШТОРМ У ПОБЕРЕЖЬЯ НЬЮ-ЙОРКА

Есть жертвы – ущерб исчисляется миллионами

Прошлой ночью в 22:00 разразилась ужасающая буря с ураганным ветром и грозowymi разрядами, эпицентр которой, очевидно, находился примерно в 75 милях к востоку от гавани Нью-Йорка. Она сопровождалась тем, что Бюро погоды охарактеризовало как самое неистовое волнение на море из всех когда-либо зарегистрированных. Есть серьезные опасения, что многие суда погибли. Волны, обрушившиеся на нью-йоркскую гавань, нанесли многомиллионный ущерб судам, докам и причалам.

По сообщениям наблюдателей, уровень воды в гавани упал на несколько дюймов, и в 22:10 вчерашнего вечера наблюдался очень сильный отлив, хотя в этот час должен был начаться прилив. В 22:35 вода вернулась в гавань с силой цунами, поднявшись в проливе Нарроуз более чем на тридцать футов. Сообщений с подробностями о жертвах пока поступало мало, однако совершенно очевидно, что человеческие потери весьма значительны...

Шторм сопровождался сильнейшими электромагнитными возмущениями. Телеграфные и телефонные линии в радиусе около ста миль вокруг Нью-Йорка были выведены из строя на долгие часы.

Затем мое тщеславие заставило меня проигнорировать другие крупные заголовки на той же странице и отыскать маленькую заметку в самом нижнем углу газетного листа:

ПОБЕДИТЕЛЬ КУБКА РАЙТА В БЕЗОПАСНОСТИ

Капитан Дэвид Андерсон совершил вынужденную посадку на севере Нью-Джерси

Первоначально высказывались опасения, что капитан Дэвид Андерсон, армейский летчик, завоевавший Кубок Райта в 1950 году, погиб во время вчерашнего жестокого шторма; однако он прислал телеграмму из Нью-Джерси, сообщив, что и сам он, и его самолет «Яст-

реб-перепелятник» находятся в безопасности. Капитан Андерсон выполнял испытательный полет у побережья как раз в то время, когда разразилась буря...

Глава 2

Громовержец

От этой короткой заметки я перевел взгляд назад, на заголовки, которые пропустил до неё:

БЕЗУМЕЦ ПРИПИСЫВАЕТ СЕБЕ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ШТОРМ

В письме главам правительств он требует верховной власти и угрожает повторением вчерашней бури, если требования не будут выполнены (Ассошиэйтед Пресс).

– Вчера вечером правительственные чиновники в Вашингтоне получили следующее письмо, которое, как стало известно, было также направлено главам всех ключевых держав мира:

Правительствам мира:

Вчера вечером миру было явлено свидетельство моего могущества. Это я создал шторм, опустошивший побережье Нью-Йорка. Мир без труда поймет, какие разрушения я способен причинить, если задействую свою силу в полную меру. Чтобы снискать мое благорасположение, человечество должно выполнить следующее:

1. Выплатить мне сумму в один миллиард долларов, которая поступит в мое распоряжение согласно указаниям, что будут даны позже.

2. Предоставить в мое распоряжение услуги трехсот человек – ученых и технических экспертов, имена которых я назову сам.

3. Выделить территорию в сто квадратных миль в зоне с умеренным климатом под мое абсолютное королевство. Мне должны беспрекословно поставяться охрана и рабочие в таком количестве и в такие сроки, какие я потребую. Никто, кроме указанных мною лиц, не имеет права вступать на эту территорию.

*4. Я получаю абсолютный контроль над всеми браками и право подвергнуть стерилизации любого человека или группу лиц в любое время.**

Мое правление принесет неоценимую пользу миру в целом. Человеческой расе сейчас угрожает ряд опасностей, которые правительства мира не желают и не могут предотвратить. Величайшая из этих опасностей – размножение неприспособленных. В естественных условиях неприспособленные особи любого вида, будь то животное или человек, погибают от рук врагов еще до того, как успевают принести потомство. Таким образом, вид в природе стремится к большему и большему совершенству, поскольку выживают только лучшие особи. Однако в нашей сентиментальной цивилизации условия изменились на противоположные. Неприспособленные размножаются быстрее, а тем, кого следовало бы стерилизовать, позволяют плодиться. Вследствие этого число неприспособленных непрерывно растет. Если привести цифры по Соединенным Штатам, то число душевнобольных увеличивается на полпроцента в год; людей с дефектами зрения – на три четверти процента в год; слабослышащих – на одну четверть процента; число слабоумных – на один процент. Зубы цивилизованного человека уже сейчас испорчены примерно на 95 процентов. Если это положение дел не изменить, то человек через несколько веков, весьма вероятно, окажется слабоумным и наполовину безумным, и, кроме того, наверняка будет страдать дефектами слуха, зрения и зубов. По всей видимости, он будет чрезвычайно восприимчив ко всем видам болезней.

Эти факты слишком хорошо известны, чтобы о них спорить. Я терпеливо ждал, пока мир начнет управлять своими делами разумно. Он этого не сделал.

Поэтому я намереваюсь управлять миром так, как умный коммерсант управляет корпорацией или как животновод управляет своим скотом. Я знаю, что моему правлению будут сопротивляться и возражать. Различные правительства Земли по большей части контро-

лируются массой их граждан, которые невыносимо глупы. Они будут сопротивляться моей власти, но я намерен сокрушить любое сопротивление.

Если правительства мира согласны на мои требования, пусть каждое из них на двадцатый день после получения этого письма поднимет белый флаг над зданием своего капитолия. Отсутствие этого флага послужит сигналом к суровому наказанию.

ГРОМОВЕРЖЕЦ.

В дополнение к этим статьям газета поместила на первой полосе интервью с высокопоставленным чиновником из Вашингтона, который высмеял саму мысль о том, что автор письма мог хоть как-то повлиять на возникновение шторма. Спешно написанная передовая статья вторила этим настроениям, выражая надежду, что в Вашингтоне не обратят на письмо никакого внимания, за исключением мер по розыску автора и помещению его в сумасшедший дом.

Я был скорее согласен с чиновником, особенно касательно безумия отправителя писем. Но одна мысль настойчиво крутилась у меня в голове. Письма были отправлены до того, как разразился шторм, и тем не менее в них говорилось именно о нем. Если между ними не было связи, откуда автор знал, что начнется буря? К тому же шторм был крайне странным: ни единой тучи и совершенно необычные электрические явления. Что, если Громовержец вовсе не блефовал? Что, если он действительно вызвал эту бурю?

Когда я добрался до штаба Военно-воздушных сил в Нью-Йорке, у меня голова шла кругом от этих размышлений. Я составил рапорт, подробно описав шторм и все, что со мной произошло, и лег спать, чтобы возместить упущенные часы ночного сна. Проснувшись, я обнаружил предписание явиться к коменданту.

Вместе с ним в кабинете находились еще трое. Одного из них – умного вида, доброжелательного мужчину лет пятидесяти–шестидесяти – я уже знал как человека из аппарата Президента. Второго, к моему удивлению, представили как доктора Арнольда Уилкинсона, великого ученого, завоевавшего всемирную известность своими открытиями в области физики и химии. Третий, самый молодой из них, в некотором отношении производил наиболее сильное впечатление, особенно его ястребиный нос и глубоко посаженные, пронзительные глаза. Его представили как мистера Роберта Кэннинга, главу Разведывательного управления США.

Полковник Джонсон сразу пояснил цель встречи.

– Капитан Андерсон, – сказал он, – эти джентльмены хотят расспросить вас о шторме, который вы наблюдали вчера ночью. Становится очевидным, что это событие может иметь гораздо более важное значение, чем казалось поначалу. Мистер Форбс и мистер Кэннинг прибыли из Вашингтона, а доктор Уилкинсон был вызван из Чикаго для расследования этого дела.

Мистер Форбс откашлялся:

– Буду с вами откровенен, капитан, – произнес он. – Правительство обеспокоено вчерашним происшествием куда сильнее, чем мы признаем официально. Мы с большим интересом ознакомились с вашим рапортом, а также получили несколько других донесений с судов, находившихся вблизи эпицентра шторма, которые подтверждают ваши наблюдения. Доктор Уилкинсон и ряд метеорологов и ученых также изучили эти отчеты, и они почти единогласно сходятся во мнении, что если данные верны, а у нас нет оснований в них сомневаться, то вчерашний шторм не имеет прецедентов в истории метеонаблюдений.

Важное совещание

Доктор Уилкинсон прервал его:

– Я скажу больше, – сказал он. – Если отчеты точны, то вчерашний шторм вовсе не был природным метеорологическим феноменом, а был вызван искусственно. Полное отсутствие облаков, мощные электрические разряды, данные береговых метеостанций, показывающие сильные воздушные потоки, устремленные к эпицентру со всех сторон, и ряд других факторов неопровержимо доказывают, что это не естественное явление!

– Именно так, – вставил мистер Форбс, – и если ваше мнение и мнение других ученых верно, доктор Уилкинсон, и шторм не был природным явлением, значит, человек или люди, написавшие письма правительствам мира, в той или иной степени понимают его природу и управляют им. В таком случае ясно, что после того как правительства проигнорируют эти послания, в чем относительно нашего правительства я ничуть не сомневаюсь, по истечении отведенных двадцати дней нам следует ожидать повторения бури, причем, вероятно, гораздо более разрушительной. Следовательно, за эти двадцать дней мы должны либо обнаружить и арестовать автора писем, либо хотя бы узнать достаточно о способах, которыми он добивается таких результатов, чтобы защитить мир.

Затем заговорил мистер Кэннинг:

– К сожалению, должен признать, что наши шансы задержать отправителя писем близки к нулю. Мы отследили письмо, отправленное нашему правительству, до места его отправки – одного из почтовых отделений Нью-Йорка, но там след обрывается. Иностранное правительство пока не восприняло ситуацию всерьез, но даже если они это сделают, я уверен, что трудности слишком велики, чтобы выследить Громовержца подобным путем. Те знания, которыми он должен обладать, если действительно вызвал шторм, сделали бы его всемирно известным ученым; и мое ведомство сейчас проверяет списки всех возможных кандидатур. Думаю, однако, что Громовержец слишком умен, чтобы попасться на такую простую удочку. Его письмо показывает, что он действует по четко продуманному плану, а не под влиянием минутного порыва. В таком случае он, без сомнения, учел тот факт, что на следующий день после получения писем его начнет искать весь мир.

Мистер Форбс снова взял слово:

– В таком случае, капитан, как видите, наш единственный шанс заключается в том, чтобы выработать защиту от нападения, которое, скорее всего, произойдет через двадцать дней. По этой причине мы просим вас повторить свой рассказ и поделиться любыми деталями, которые могли прийти вам в голову касательно этой бури.

Я снова подробно изложил события прошлой ночи, особо упомянув странное жужжание, которое слышал перед началом шторма.

Доктор Уилкинсон расспросил об этом подробнее и заметил, что в отчетах о шторме, полученных им из других источников, также упоминался этот звук.

– Капитан, – спросил он, – есть ли у вас какая-нибудь теория, объясняющая это жужжание? Вы утверждаете, что это был не звук самолетного пропеллера? Мог ли это быть, к примеру, гул высокооборотистого мотора?

– Нет, – ответил я. – Я слишком часто слышал свист пропеллера и гул мотора, чтобы перепутать их с чем-то еще. Если этот звук и издавал пропеллер, то он вращался в три раза быстрее любого известного сегодня винта, поскольку звук был гораздо выше по тональности.

– Что ж, джентльмены, – сказал мистер Форбс, – есть ли у кого-нибудь объяснения или теории, которые можно выдвинуть?

Когда никто не ответил, он продолжил:

– Что касается меня, должен сразу признаться, что я в полном замешательстве. Единственное, что мы можем сделать, как мне кажется, это отложить заседание. Возможно, позже в нашем распоряжении появится новая информация. Капитан Андерсон, я попрошу вас войти в состав нашего комитета. Ваш полковник предоставит вам отпуск до тех пор, пока это дело не будет улажено. Но прежде чем мы разойдемся, я прошу вас всех обдумать имеющиеся у нас факты и попытаться составить хотя бы приблизительное объяснение или теорию вчерашнего шторма. Пока у нас не будет такой рабочей гипотезы, мы не сможем разработать средства защиты. И я бы предложил вам не отвергать ни одну теорию, какая бы ни пришла вам в голову, только из-за ее кажущейся невозможности. Вчерашнее явление было столь же необычным,

сколь и неправдоподобным, и любое его объяснение, весьма вероятно, будет обладать теми же свойствами.

Спутанные мысли

После еще нескольких фраз совещание завершилось.

Едва добравшись до своего нового расположения, я откинулся в удобном кресле и закурил сигарету, чтобы обдумать поразительные события последних двадцати четырех часов. Я был крайне удивлен тем, что меня включили в следственный комитет, а также польщен и горд, что мне, простому капитану, довелось сотрудничать с такими людьми! Я с удовольствием улыбнулся, но почти тут же нахмурился, вспомнив, что причиной этого союза было убеждение правительства в грозящей ему смертельной опасности. Чтобы доказать, что я достоин этой чести, я должен помочь найти решение.

Затем я вспомнил слова Громовержеца. Действительно ли миру стало бы хуже под властью такого человека – при условии, что он действительно обладает всем, о чем заявляет в письмах, – чем под началом нынешних некомпетентных правительств? В общем и целом я достаточно образован, чтобы знать, что большинство его утверждений о росте душевных заболеваний и прочего соответствуют действительности.

Но в следующее мгновение я прогнал эти мысли. Каким бы умным ни был этот человек, он, судя по всему, был полностью лишен моральных устоев. Он основывал свои притязания не на нравственных принципах, а на демонстрации силы, способной эти принципы навязать. Он собирался управлять миром так, как скотовод управляет своим стадом; он переделал бы нас волей-неволей, хотим мы того или нет. Меня охватил сильнейший гнев при мысли о том, что человек может говорить с таким высокомерием и презрением к правам других людей.

Я твердо решил, что отныне все мои усилия будут направлены исключительно на то, чтобы поймать этого самозваного диктатора и предать его правосудию. Если это он вызвал вчерашний шторм, то он, несомненно, виновен в непредумышленном или даже в умышленном убийстве, ведь несколько человек из-за этого утонули.

Газеты на следующее утро не принесли никаких новых фактов о шторме, а на послания, разосланные различным правительствам, почти не обратили внимания, разве что в юмористических фельетонах.

Первые утренние часы я провел, пытаясь выстроить предварительное объяснение шторма, исходя из предположения, что он был вызван рукотворно. По истечении трех часов я ни на йоту не продвинулся вперед. Мои мысли непрерывно вращались вокруг того факта, что уже несколько лет человек тщетно пытается найти способ управлять погодой. Например, стрельба из пушек по облакам ради вызывания дождя уже испытывалась и потерпела полный крах. Но это никак не могло быть связано с нынешним штормом, ведь не было ни дождя, ни, как я видел, даже самих облаков. Единственной зацепкой оставалось мощное электрическое возмущение, проявившееся в виде молний. Но как могут быть молнии без облаков? И что это был за гул, который я слышал? Был ли он связан со штормом? И если да, то каким образом?

Мысли путались все сильнее. Говорят, вызыватели дождя используют раздвоенную палочку... нет, раздвоенный прут используют искатели скрытых подземных вод. На этом я сдался. В конце концов, дело авиатора – летать, а не измышлять теории для объяснения погоды; это обязанность таких людей, как доктор Уилкинсон.

Утомившись от бесконечных размышлений, я вернулся к книге, которую начал читать несколько дней назад. Она содержала интервью Томаса Эдисона Аллану Бенсону. Я всегда с глубоким уважением относился к мнению Эдисона, но в этом интервью, взятом в 1916 году, он, похоже, совершенно ошибся в своих предсказаниях относительно будущего авиации. Разумеется, имея за плечами тридцать пять лет дополнительного опыта, нам легко свысока смотреть на блуждания пионеров воздухоплавания.

Бенсон спросил Эдисона, что тот думает о самолетах, и Эдисон, как сообщается, ответил следующей историей:

Десять лет назад он сидел перед своей зимней лабораторией во Флориде. На небе не было ни облачка. Воздух, залитый солнечным светом, оставался абсолютно неподвижным. Дым из соседней трубы поднимался вертикально вверх на тысячу футов. Почти так же высоко, как этот столб дыма, парил гриф. Минуту за минутой, пока Эдисон наблюдал за ним, пернатый лениво описывал огромные круги. Иногда он скользил вниз сквозь воздух на сотню футов, а затем снова набирал высоту. Но кружила ли птица, планировала или поднималась, она ни разу не взмахнула крылом. Ее крылья неизменно оставались расправленными, словно стрелки часов на без четверти три.

Эдисон поражался. В отсутствие ветра, без взмахов крыльев, как птица удерживалась в воздухе? Что позволяло ей взмывать вверх после скольжения вниз? Снова и снова он задавал себе эти вопросы, но ответы не приходили. Девять лет спустя они нашлись.

– Думаю, я знаю, что удерживало эту птицу в воздухе, – сказал Эдисон Бенсону. – Она передвигалась на звуковых волнах, а маленькие маховые перышки на внутренней стороне ее крыльев сами создавали эти волны.

Он имел в виду следующее: любое возмущение воздуха заставляет его вибрировать волнами. Если колебать воздух достаточно быстро, эти волны доходят до нас в виде звука; тогда их называют звуковыми волнами.

– Воздух при ударе с достаточной скоростью становится твердым, как сталь, – продолжал Эдисон. – Поднесите спичку к шашке динамита, лежащей на пятитонной скале, и ничего не произойдет – динамит взорвется, но недостаточно быстро, чтобы расколоть камень. Но подорвите динамит с помощью капсуля с гремучей ртутью, и взрыв произойдет столь стремительно, что воздух не успеет уступить дорогу. Скала расколется, потому что она окажется менее жесткой, чем воздух.

Глава 3

Поразительная теория

– Эдисон убежден, – продолжал Бенсон, – что гриф держится в воздухе благодаря маховым перышкам на внутренней стороне крыльев, которые бьют по воздуху с колоссальной быстротой. Он полагает, что гриф передвигается на звуковых волнах точно так же, как шмель. Свое английское название шмель (bumblebee) получил именно потому, что при полете создает звуковые волны.

Эдисон высоко оценил шмеля как летуна. Он говорит, что его крылья чрезвычайно малы по сравнению с размерами и весом тела. Шмель летает так хорошо только потому, что превосходно владеет своими крыльями: он бьет по воздуху до тех пор, пока тот не превращается для него в подобие металлических ходулей. Более того, ученый считает, что нам придется поучиться у шмеля, прежде чем мы сможем летать на большие расстояния, с высокой скоростью и в полной безопасности. Он применил бы шмелиный принцип для подъема летательного аппарата, а нынешнюю систему пропеллеров – для движения вперед. По его мнению, летательные аппараты должны иметь возможность подниматься вертикально вверх. Самолеты же могут взлетать только с разбега. «Представьте, что у вас есть четыре миллиона обученных шмелей, – сказал он, – прикрепленных к проволочному плетенному каркасу, в котором сидит человек. Неужели вы не понимаете, что если шмелям дать сигнал взлететь, они поднимут человека? Я верю, что механических шмелей можно прикрепить к летательному аппарату так, что они поднимут его вертикально вверх. Под механическими шмелями я подразумеваю наклонные плоскости, вращающиеся на вертикальных валах с колоссальной скоростью. Оказавшись в воздухе, обычные пропеллеры можно использовать для движения машины вперед».

Эдисон считает, что нынешний тип самолетов вскоре будет отвергнут и что «шмелиные корабли» будут перевозить пассажиров со скоростью сто миль в час и более.

Читая эти предсказания «великого старца науки», я лениво размышлял, почему самолеты такого типа, как он предсказывал, так и не были построены. Было совершенно очевидно, что если сам принцип верен, то трудности заключались в его практическом применении. До сих пор не было создано двигателей, способных двигать механические крылья со скоростью шмеля, а даже если бы такой двигатель и появился, «крылья» разлетелись бы вдребезги от вибрации. Но если бы подобный корабль удалось построить, какая бы это была машина! Способная подниматься и опускаться строго вертикально, обладающая почти безграничной скоростью... Она стоила бы тысячи наших современных самолетов. Но у нее все же оставался бы один недостаток – она не смогла бы двигаться бесшумно. Поскольку она передвигалась бы на звуковых волнах, ее полет всегда был бы слышен.

И тут я вспомнил жужжание, которое слышал в ночь шторма. Это было именно такое жужжание, какое издавал бы один из воображаемых Эдисоном «шмелиных кораблей». От волнения я подскочил в кресле. Вот оно! Вот что я слышал! Если шторм вызвал человек, у него должно было быть какое-то транспортное средство или судно, доставившее его к эпицентру бури и обратно. Любое обычное судно или самолет погибли бы в таком шторме. Но корабль, о котором говорил Эдисон, мог пережить любую бурю.

Если моя догадка верна и Громовержец использовал именно такой аппарат, он, несомненно, воспользуется им снова при своем следующем появлении. А мы установим подслушивающие устройства во всех крупных городах, которые предупредят нас о его приближении! Мы будем готовы к встрече с ним! Я улыбнулся, представив себе флотилию боевых самолетов, затаившихся в облаках на высоте десяти тысяч футов над Нью-Йорком в ожидании момента, чтобы наброситься на Громовержца. Этому самозваному «метателю молний» понадобится поистине

необычайный корабль, если мы не сможем взять его, будучи предупрежденными о его приближении.

Следственный комитет собрался в тот же день после полудня. Хотя я горел нетерпением и волнением, желая выпалить свое объяснение загадочного жужжания, я заметил, что доктор Уилкинсон взволнован ничуть не меньше.

Форбс, как представитель Президента, председательствовал и открыл заседание вопросом о том, удалось ли продвинуться в объяснении природы шторма. Доктор Уилкинсон тут же заговорил.

– У меня есть теория, – сказал он, – которая, кажется, объясняет все наблюдаемые явления. Но она настолько безумна и необычна, что я бы не решился ее высказать, если бы сама природа этих явлений не была столь же безумной и необычной. Моя теория, однако, подкрепляется определенными фактами, которые я обнаружил лично.

– Как вы помните, джентльмены, у шторма были две примечательные особенности: во-первых, поразительные электрические разряды, и во-вторых, тот факт, что сильное течение устремлялось к эпицентру бури, по всей видимости, со всех сторон. Что же могло вызвать это течение? Как вы помните из газетных отчетов, в тот час должен был начаться прилив, но вместо этого наблюдался мощный отток воды. Ветер не мог стать причиной этого, потому что он дул беспорядочными порывами со всех сторон, и в особенности со стороны самого эпицентра. Джентльмены, единственное, что могло вызвать такое течение, – это исчезновение огромного количества воды из океана в самом центре шторма.

У нас с Форбсом перехватило дыхание; Кэннинг же издал звук, что-то среднее между фырканьем и смешком, и язвительно спросил:

– Не соизволите ли вы объяснить, каким образом могло исчезнуть количество воды, достаточное для подобного эффекта? Быть может, могучий Громовержец просто выпил ее?

– Я как раз собирался это сделать, когда вы меня перебили, – резко парировал Уилкинсон. – На самом деле, – продолжил он, – догадка мистера Кэннинга оказалась ближе к истине, чем он сам думает. Громовержец не поглощал воду, но это сделали определенные силы, находящиеся в его подчинении.

Комитет соглашается

– Науке давно известно, что при определенных условиях электричество способно разлагать воду на составляющие ее части. Пока вода чистая, воздействие электричества на нее почти ничтожно. Но когда в воде присутствуют другие вещества – их иногда называют катализаторами, среди которых серная кислота, пожалуй, наиболее известна, – электрический ток разлагает воду на водород и кислород. Это простой факт, хорошо знакомый любому школьнику, изучающему химию. Однако количество электричества, необходимое для разложения сколько-нибудь значительного объема воды, настолько велико, что этот факт никогда не находил коммерческого применения.

– Я убежден, что Громовержец использовал именно этот принцип для создания шторма. Количество воды, разлагаемой электрическим током, зависит от двух факторов. Во-первых, от силы тока, и во-вторых, от количества серной кислоты или другого катализатора, присутствующего в воде. Я убежден, что Громовержец, к чьим познаниям в химии я питаю глубочайшее уважение, открыл некий катализатор, который в несколько сотен раз эффективнее помогает электричеству разлагать воду, чем любой из ныне известных. И в его распоряжении имеются объемы электричества, равные силе ударов молнии, а возможно, и превосходящие их.

– Мое объяснение шторма сводится к следующему: каким-то образом, природы чего я пока не понимаю, но, вероятно, на каком-то судне или летательном аппарате, на что, возможно, указывает жужжащий звук, услышанный капитаном Андерсоном и другими, Громовержец добрался до эпицентра бури. Затем он смешал свой катализатор с водой и каким-то способом пропустил через нее колоссальный электрический ток. Электричество разложило

воду, высвободив огромное количество водорода и кислорода. Именно это резкое увеличение содержания водорода и кислорода в воздухе и вызвало ураганные ветры. А вода, устремившаяся на место разложившейся, породила мощные океанские течения и высокие волны. Все это можно воспроизвести в лаборатории в миниатюре.

– Загадкой остаются колоссальные масштабы, в которых это было осуществлено, природа использованного катализатора и средства создания электрических токов такой величины. Скажу прямо – я в полном тупике перед этими вопросами. Однако я убежден, что мое объяснение верно, ибо я нашел тому доказательства. Во-первых, сразу после шторма в воздухе было замечено необычайно высокое содержание водорода и кислорода, а во-вторых, и это я считаю решающим фактором, я провел анализ океанской воды, взятой из моря вскоре после шторма, и обнаружил в ней новое вещество, которое позволяет слабому электрическому току расщеплять огромные объемы воды. Пока что это вещество не поддается анализу, но через несколько дней я надеюсь определить его состав.

Каким бы поразительным ни было это объяснение, оно, как мне кажется, сразу же вызвало доверие у всех, кроме Кэннинга. Имя Уилкинсона пользовалось таким авторитетом в научном мире, что одно его мнение принималось охотнее, чем устоявшиеся убеждения других физиков. И уж конечно, проследив за ходом мыслей, которые привели его к этому выводу, я ни на секунду не усомнился в его правоте.

Мистер Форбс, очевидно, держался того же мнения, ибо произнес:

– Доктор Уилкинсон, в прошлом ваше имя уже стало известно всем ведущим ученым мира; но когда ваши открытия, связанные с этим делом, будут опубликованы, не только ученые, но и самые простые граждане любой страны будут знать, кто вы такой.

– Джентльмены, – продолжил он, поворачиваясь к Кэннингу и ко мне. – Благодаря усилиям доктора Уилкинсона мы теперь имеем некоторое представление об угрожающих нам опасностях. Наша задача – составить план противодействия. Однако прежде чем мы займемся разработкой обороны, давайте посмотрим, не повезло ли нам получить какую-либо дополнительную информацию по нашей проблеме. Мистер Кэннинг, вам есть что доложить?

Когда Кэннинг ответил отрицательно, он повернулся ко мне.

Я изложил свои соображения по поводу жужжащего звука и зачитал ту часть интервью Эдисона, в которой говорилось о «шмелиных кораблях». Пока я говорил, среди моих слушателей раздались несколько восклицаний, и едва я закончил, доктор Уилкинсон произнес:

– Я уверен, что ваше объяснение верно, капитан. Я знаком с исследованиями Эдисона в области аэродинамики и сам не раз желал увидеть воздушный корабль, построенный по его чертежам. Более того, поскольку единственное возможное объяснение шторма требует наличия у «Громовержца» подобного транспортного средства, становится ясно, что ваш «шмелиный корабль» – это реальность.

Мистер Форбс согласился, и даже Кэннинг был убежден доводами по меньшей мере наполовину.

Исходя из предположения, что наши с доктором Уилкинсоном теории верны, мы попытались предугадать, где Громовержец нанесет следующий удар. Доктор Уилкинсон полагал, что это снова произойдет у нью-йоркской гавани, и мы были склонны с ним согласиться. Тем не менее было решено установить подслушивающие устройства во всех крупных городах страны и держать эскадрильи боевых самолетов в полной готовности. Я высказал предположение, что Громовержец может нацелиться на систему озер и рек, обеспечивающих водоснабжение Нью-Йорка, и было решено, что я возглавлю специальную эскадрилью самолетов для защиты этих жизненно важных объектов.

Второй налет

Все следующие восемнадцать дней мы были по уши в делах. Я отвечал за дислокацию самолетов, Кэннинг пытался вычислить ученого, способного на подобные свершения, а доктор Уилкинсон занимался установкой звукоулавливающих устройств.

Когда наступил двадцатый день, в газетах вновь оживилось обсуждение этого дела, а среди жителей Нью-Йорка возникло легкое беспокойство.

Этот день я провел во временном лагере в горах Адирондак, раскинувшемся над красивым синим озером, которое служило резервуаром для системы водоснабжения Нью-Йорка. Мой «Ястреб–перепелятник» и еще три самолета были частично укрыты зелеными ветвями на небольшом плато неподалеку. Остальные силы под моим командованием были рассредоточены по всей территории водосборного бассейна. Телефонная линия связывала нас с центральным пунктом в Вашингтоне, где Уилкинсон, Кэннинг и Форбс организовали штаб для приема всех сообщений, касающихся Громовержца.

Звездно–полосатый флаг был поднят над Капитолием на рассвете и оставался на флагштоке до самого заката. Никаких признаков белого флага не появилось.

Мы все ожидали от «Громовержца» немедленных действий, и нам не пришлось разочаровываться.

В десять часов голос Уилкинсона, напряженный от волнения, сообщил, что детекторы вдоль Атлантического побережья от Нью-Джерси до Род-Айленда засекали доносящееся с востока высокое жужжание. Пять минут спустя он объявил, что звук приближается к Нью-Йорку со скоростью более пятисот миль в час. Защищавшие город авиаэскадрильи поднялись в воздух, пытаясь занять высоту над предполагаемым воздушным кораблем. Еще через десять минут поступило сообщение, что звук обогнул Нью-Йорк и направился вглубь штата. Чуть позже донесения из Олбани и других городов показали, что звук движется прямо на нас и находится всего примерно в ста пятидесяти милях.

Я приказал трем находившимся со мной летчикам приготовить машины. Я простоял у телефона минуты три–четыре и услышал, как Уилкинсон начал произносить фразу: «Капитан Андерсон, Громовержец сейчас...» – и в этот момент связь прервалась. Что бы я ни делал, восстановить соединение не удалось. А еще через несколько минут на юго–востоке слышались раскаты грома.

Выругавшись в адрес телефона, я бросился к своему самолету. Спустя пару минут мы все были в воздухе. Поднявшись над окружающими холмами, мы увидели на юго–востоке точно такое же свечение, какое я наблюдал двадцать дней назад.

Мы отчаянно набирали высоту: мы знали, что корабль Громовержца быстрее наших машин, и если нам предстояло вступить с ним в бой, мы должны были обеспечить себе преимущество в высоте.

Примерно в тридцати пяти милях к юго–востоку находилось Водохранилище №4, одно из крупнейших в системе водоснабжения. Его охраняли четыре боевых самолета, но я сомневался, что этой силы будет достаточно.

На высоте пяти тысяч футов мы выровняли машины и устремились на юго–восток. Мой «Ястреб» вел себя скверно, но даже при этом я вскоре оторвался от остальных самолетов. По мере приближения к Водохранилищу №4, свечение усиливалось, и я почувствовал, что самолет борется с сильным встречным ветром. В воздухе также явственно пахло озоном. Мой мотор работал все хуже. Зажигание, похоже, барахлило, и, хотя во время полета я пытался немного набрать высоту, на самом деле я ее терял. Из–за этого вышло так, что холмы скрывали Водохранилище №4 от моего взора до тех пор, пока я не оказался почти над ним. И едва я перевалил через гребень холмов, мой мотор заглох окончательно; однако в первую секунду этого почти не заметил – настолько я был потрясен увиденным.

Примерно в пятистах футах над озером парил воздушный корабль, по форме напоминавший лодку, длиной около трехсот футов. У него не было крыльев, и держался он, насколько

я мог судить, за счет множества вертикальных пропеллеров, наподобие вертолета. С каждого конца аппарата к поверхности озера спускались длинные кабели, концы которых терялись в слепящем свете у самой воды. Вода в озере кипела и бурлила так, словно под ней разверзлись все гееннские огни. Очевидно, по кабелям пропускался колоссальный электрический ток. Тот самый жужжащий звук, который я слышал ранее, исходил от воздушного корабля, но сейчас он был малозаметен из-за треска и шипения тока и рокота грома. Дул мощный порывистый ветер, а запах озона стал невыносимо резким. Пока воздушный корабль медленно крейсировал назад и вперед над озером, я видел, как вода буквально растворялась в атмосфере. Берег озера уже обнажил широкую полосу влажной земли, которая прежде была скрыта водой.

Корабль находился вне зоны эффективного огня моего пулемета, и с заглушим мотором я оставался лишь беспомощным зрителем этой сцены. Мне приходилось прилагать все усилия, чтобы удержать самолет при шквальном ветре, но я сохранил присутствие духа, чтобы рассмотреть странный воздушный корабль как можно лучше, насколько позволяло расстояние. Своей формой он чем-то напоминал гоночную яхту с длинным острым килем и заостренными носом и кормой. Цвет его был грязно-серым. Около палубы виднелись круглые окна, похожие на иллюминаторы из толстого стекла, и еще несколько таких же были врезаны в киль, чтобы находящиеся внутри люди могли видеть то, что происходит внизу. Я внимательно всматривался в эти иллюминаторы, но не заметил внутри корабля ни единой живой души. Судя по всему, он был сделан из стали, и я решил, что поливать его пулеметными очередями было бы бесполезно, даже если бы я мог это сделать. Единственным оружием, которое мы могли бы против него применить, были бомбы, сброшенные сверху. Я гадал, куда делись четыре самолета нашей обороны, пока при ярком свете искусственных «молний» не увидел обломки одного из них почти прямо под собой, на берегу, у прежней кромки озера. Дымящаяся груда чуть поодаль – это все, что осталось от второго. Пока я вел эти наблюдения, мой самолет медленно планировал вниз и теперь оказался у самого берега. Из-за сильного ветра я приземлился с сильным ударом.

Глава 4

Потери

Озеро теперь было осушено почти до самого дна; наконец подача тока прекратилась, и серый воздушный корабль взмыл вверх на тысячу футов, словно подброшенный пружиной. Всё так же стремительно набирая высоту, он скрылся на северо–востоке со скоростью падающей звезды.

От этого зрелища я застыл на берегу, задыхаясь от изумления. В замешательстве я взглянул на часы и испытал новое потрясение. Было всего без пяти одиннадцать! Я покинул Водохранилище №3 в 10:25; значит, всё, что я видел, произошло всего за тридцать минут. Я пошел вдоль края того, что теперь превратилось в огромную грязевую равнину с редкими лужами в самых глубоких местах. Наконец я отыскал полевой телефон, который был установлен здесь для связи летчиков с остальной страной. По телефону я связался с лейтенантом Оллманом, который сообщил мне, что он единственный выживший из четырех пилотов.

Выяснилось, что он и трое его товарищей получили по телефону предупреждение о приближении серого воздушного корабля и успели набрать высоту в десять тысяч футов до того, как он действительно появился над озером. Они по очереди спикировали на него, поливая пулеметным огнем, который, по–видимому, не причинил кораблю никакого вреда. Затем они попытались снова подняться выше него и сбросить бомбы, но серый корабль с легкостью сорвал этот замысел. Он взмыл вертикально вверх, а затем обрушился на один из самолетов с ужасающей силой, разрезав его почти надвое своим острым килем, который я заметил ранее. Продемонстрировав колоссальное превосходство в скорости и маневренности, он протаранил второй самолет, после чего пролетел над третьим и сбросил бомбу, превратившую машину в ту самую дымящуюся грудку обломков, что я наблюдал. Не обращая ни малейшего внимания на четвертый самолет, корабль опустил кабели, сбросил в озеро какое–то вещество, похожее на песок, и, очевидно, сразу же включил электрический ток. В этот самый момент двигатель лейтенанта Оллмана заглох. Этот факт, вероятно, и спас ему жизнь. Прежде чем он смог снова атаковать воздушный корабль, его машина спланировала вниз и приземлилась у края озера, точь–в–точь как и я некоторое время спустя.

Как раз в этот момент телефон ожил, и голос доктора Уилкинсона сообщил, что он уже некоторое время пытался вызвать эту станцию, но линия была мертва. Я кратко изложил ему суть случившегося. Хотя ученый был явно потрясен, его первая реакция не была лишена некоторого удовлетворения, ибо он произнес: «Значит, я был прав насчет методов этого малого. Я был уверен, что он ударит именно так». Он также сообщил, что телефон на Водохранилище №3 всё еще молчит. Посмотрев в том направлении, я увидел то же самое свечение, которое отныне стало мне слишком хорошо знакомо. Я доложил об этом Уилкинсону и добавил, что если Громовержец проделает свою работу на Водохранилище №3 и остальных водоемах так же основательно, как на Водохранилище №4, мы можем распрощаться с системой водоснабжения на несколько месяцев.

Донесения, поступавшие в течение ночи, подтвердили наши худшие опасения. Каждое сколько–нибудь крупное озеро в системе было иссушено так, как солнце высушивает лужу на дороге. Пройдут месяцы, прежде чем резервуары снова наполнятся. На многих озерах обороняющиеся авиаэскадрильи вели отчаянные бои, но единственным результатом стала гибель почти половины пилотов. В каждом случае, когда самолеты успевали подняться в воздух до приближения серого воздушного корабля, они вступали в бой, который оказывался губительным только для них самих. Но там, где предупреждение не было получено вовремя и пилоты не успели взлететь до начала иссушения озер, моторы самолетов попросту отказывались заво-

даться, и летчики были вынуждены оставаться лишь беспомощными зрителями уничтожения объектов, которые были призваны охранять.

Когда этот факт прояснился, я наконец понял, почему моторы отказывались работать, и мысленно проклял себя как неисправимого дурака за то, что не догадался об этом раньше. Мой мотор барахлил во время шторма двадцать дней назад, он заглох сегодня вечером, пока я наблюдал за работой Громовержца, но только теперь до меня дошла истинная причина. Всё дело было в электромагнитном поле, которое окружает любой мощный электрический ток. Из строя выходила электромагнитная часть моего двигателя – система зажигания, и отказывала она лишь тогда, когда Громовержец врубал свой чудовищный ток. Неудивительно, что телефоны и телеграфная связь выходили из строя; мощное электрическое поле, созданное Громовержцем, оказывало на них тот же эффект, какой в прошлом неоднократно вызывало полярное сияние. Что касается двигателей, то в науке давно известно, что электрическое поле достаточной интенсивности способно вывести бензиновый мотор из строя. Подобный эксперимент даже пытались провести во время прошлой войны, но от него отказались, так как не существовало средств для создания полей нужной мощности и ограничения их действия определенным направлением. Было ясно, что если мы рассчитываем бороться с Громовержцем с помощью авиации, нам необходимо найти способ защитить наши моторы от глушения.

Если мои рассуждения были верны – а я был в этом уверен, – «Ястреб–перепелятник» должен был теперь взлететь без каких–либо проблем, ведь Громовержец находился уже далеко. Я бросился к машине и попытался запустить мотор. Он заработал! Я поспешил обратно к телефону, чтобы узнать последние сводки о местонахождении врага. Уилкинсон сообщил, что станции слежения зафиксировали: начисто опустошив систему водоснабжения, Громовержец снова ушел в сторону Атлантики, где звук его корабля окончательно затерялся. Уилкинсон предложил мне немедленно лететь в Вашингтон, чтобы присоединиться к ним.

Мир в смятении

Я добрался до Вашингтона поздно ночью и проспал почти до полудня следующего дня. Пока я спал, по проводам пришло множество донесений. В то утро Громовержец навестил Европу. Действуя по той же схеме, что и в Америке, он оставлял за собой лишь смерть и разрушения. Он вызвал ужасающий шторм в Ливерпуле и пронесся над Темзой, уничтожая доки и суда. Во Франции он обрушил свой удар на прибрежные города и Сену с результатами, которые повергли страну в неописуемый ужас. В Германии он вызвал шторм, который едва не стер Гамбург с лица земли как морской порт, и атаковал систему водоснабжения Берлина, произведя такие же разрушения, как и в Нью–Йорке. На Италию обрушились ветры скоростью сто миль в час, сопровождавшиеся ужасными бурями в Венеции и Неаполе. Не была обойдена вниманием и Россия: все озера и пруды, составлявшие основу водоснабжения Москвы и Ленинграда, были осушены. Покинув Россию, серый воздушный корабль исчез из виду.

Вся Европа была смертельно напугана. Была созвана экстренная сессия Лиги Наций. Религиозные фанатики в разных странах, охваченные паникой, наперебой провозглашали, что наступил конец света, а Громовержец – это ангел Божий, посланный покарать Землю за её грехи. Толпы в Италии и некоторых регионах России требовали немедленного удовлетворения его условий. Однако правительства большинства стран заняли твердую позицию. Премьер–министр Англии выступил с манифестом, в котором объявил об ущербе, нанесенном штормом, особо подчеркнув тот факт, что погибли женщины и дети, и твердо заявил, что Англия никогда не покорится такому врагу, как Громовержец. Страна была переведена на военное положение, а британское правительство направило открытую ноту в Лигу Наций с требованием, чтобы весь мир сплотился в единый союз ради уничтожения Громовержца как общего врага. Это заявление было встречено ликованием огромных толп на улицах Лондона.

В нашей собственной стране потрясение было не меньшим. Утренние газеты раздобыли довольно искаженные отчеты о случившемся и вышли с кричащими заголовками в экстренных

выпусках. Толпы людей заполняли улицы Нью-Йорка, жадно раскупая каждую свежую газету. Ситуация в самом городе пока не была критической, поскольку в ближайших резервуарах еще оставалось достаточно воды, чтобы обеспечивать нужды населения в течение нескольких дней. Кроме того, правительство реквизировало несколько поездов для доставки питьевой воды, а инженеры спешно монтировали аварийные магистрали для подачи воды из Гудзона на случай пожара. Однако было очевидно, что через несколько дней положение станет угрожающим. По оценкам специалистов, требовалось несколько недель, чтобы подвести воду из Гудзона по трубам в объеме, способном обеспечить необходимое давление, и если в этот промежуток времени вспыхнет крупный пожар, пожарная охрана окажется практически бессильной. Чтобы уберечь город от подобной катастрофы, для патрулирования улиц была призвана Национальная гвардия. До сих пор правительство не сделало официальных заявлений о дальнейших шагах, но наспех написанные передовые статьи в газетах призывали немедленно разыскать Громовержца и его сообщников, а все сходились во мнении, что у него есть помощники, и предать их суду.

Мистер Форбс созвал заседание нашего следственного комитета в тот же день после полудня. Едва мы вышли из кабинета, нас осадили репортеры, жаждущие узнать, какое было принято решение. Однако мы не сообщили им ничего по той простой причине, что никакого решения принято не было. Мы зашли в тупик. Благодаря блестящей дедукции Уилкинсона и моей более или менее удачной догадке о природе воздушного корабля Громовержца, мы смогли предвидеть события минувшей ночи с поразительной точностью. Но, несмотря на это, мы оказались не в состоянии защитить наши объекты. Горькая правда заключалась в том, что он мог нанести удар в любом месте, где ему вздумается, и ничто из того, что было в наших силах, не могло его остановить. В бою его воздушный корабль один стоил сотен наших самолетов, а на той гигантской территории, которую он мог выбрать для нападения, практически не было шансов подловить его и подвести под эффективный огонь тяжелой артиллерии. Во время своих налетов на побережья европейских стран он один или два раза вступал в огневой контакт с военными кораблями, но в шторме, который он сам же и создавал, корабли были не в состоянии вести прицельный огонь. К тому же было бы почти невозможно поразить воздушный корабль, способный падать или взмывать строго вертикально и двигаться по горизонтали с такой невероятной скоростью.

Уилкинсон и Форбс высказались за попытку скопировать его воздушный корабль, но вызванные нами эксперты по авиации согласились со мной в том, что это неосуществимо. Во-первых, у нас не было двигателя, способного вращать пропеллеры с необходимой скоростью, а во-вторых, такой двигатель в мгновение ока разнес бы вдребезги и самого себя, и свой винт от жуткой вибрации. Уилкинсон упрямо твердил, что это возможно, раз уж Громовержец сумел это сделать. Но когда мы спросили его, как именно, он, разумеется, был вынужден признать, что не знает. Кэннинг объявил, что секретные службы нашей страны объединили усилия с разведками других наций, но ничего конкретного доложить не смог. Мы отложили эту проблему на время и решили встретиться снова на следующий день.

Последнее предупреждение

На следующий день мы получили еще несколько сведений и продвинулись в решении нашей задачи. Уилкинсон проложил курс Громовержца через Атлантику и над Европой и вычислил его приблизительную скорость. Его максимальная скорость, по всей видимости, составляла около тысячи миль в час. Мистер Форбс спросил меня, какую наивысшую скорость может развить один из наших самолетов? Я ответил, что «Ястреб–перепелятник» быстр, как и всё, что у нас есть, и его предел – около 500 миль в час. Он поинтересовался, нельзя ли увеличить её с помощью какого–нибудь технического новшества, но я напомнил ему, что даже самый скоростной самолет окажется бесполезной игрушкой перед лицом врага, способного глушить моторы по своему усмотрению.

Уилкинсон немного подумал и заявил, что может обеспечить абсолютную защиту от электрического силового поля Громовержца. В ответ на мой удивленный вопрос он объяснил: хотя магнитное поле свободно проникает сквозь немагнитные материалы, такие как дерево, ткань и тому подобное, тонкий слой какого-нибудь магнитного вещества – например, железа – поглотит его и послужит надежным щитом. Тонкий металлический кожух позволит мотору безупречно функционировать даже в мощном электромагнитном поле. Было принято решение немедленно защитить таким образом двигатели большой партии наших самых быстрых истребителей.

Открытые этим скромным успехом, мы с новой энергией взялись за проблему увеличения скорости самолетов. И снова именно острый аналитический ум мистера Форбса навел нас на верный след. Ему не хватало технических знаний, которыми обладали мы с Уилкинсоном, но его юридическая подготовка позволяла ему зреть в самый корень проблемы. Он спросил, какие факторы определяют скорость самолета. Я объяснил, что она зависит прежде всего от мощности мотора по отношению к его весу. Маленький самолет, пояснил я, со, скажем, 100-фунтовым мотором, развивающим 70 лошадиных сил, может быть быстрее, чем крупная машина с 600-фунтовым двигателем мощностью в 300 лошадиных сил, поскольку малый самолет несет меньше веса на одну лошадиную силу. Чтобы существенно увеличить скорость, нам необходимо получить больше мощности на фунт веса мотора. Тогда он спросил меня, существуют ли какие-либо известные способы повысить удельную мощность двигателя.

Это заставило меня задуматься, и в памяти всплыли кое-какие факты, которые я узнал еще в летной школе, но успел почти позабыть. Моторы, повсеместно используемые в авиации, относятся к двигателям внутреннего сгорания и рассчитаны на бензин, смешанный с воздухом. Это знают практически все; но что известно далеко не каждому, так это то, что бензин – отнюдь не единственное горючее вещество, пригодное для этой цели. Существует множество других видов топлива, и некоторые из них значительно мощнее бензина. Я вспомнил, что на заре автомобильных гонок проводились эксперименты с различными составами и смеси на основе пикриновой кислоты были особенно популярны.

Однако два фактора привели к почти полному исчезновению этого топлива. Оно слишком мощное и непредсказуемое при детонации. Бензин – продукт стандартизированный, один галлон в точности похож на другой, а вот растворам пикриновой кислоты остро не хватает однородности: один галлон может оказаться вдвое мощнее другого, хотя оба будут налиты из одного бака. Из-за этого на гоночных трассах то и дело разрывало цилиндры, что привело к не одной человеческой гибели. Кроме того, кислота нещадно разъедает металл, так что при использовании крепкого раствора машина могла прослужить от силы несколько дней. Эти две причины заставили руководство гоночных треков наложить строгий запрет на такое топливо, и с тех пор его применяли разве что втайне.

Я изложил всё это комитету, заявив, что лично я готов рискнуть и пересесть на самолет, заправленный смесью с любым процентным содержанием пикриновой кислоты, и что, по моему мнению, большинство парней из летного корпуса тоже охотно пойдут на этот риск. Однако я добавил, что после пяти-десяти часов работы, в зависимости от концентрации раствора, мотор каждого самолета, использующего эту чертовщину, будет практически приведен в полную негодность. Уилкинсон поразмыслил над этим несколько минут и предположил, что жизненно важные узлы двигателя можно защитить напылением из какого-нибудь сверхстойкого металла, например золота или платины. Главным возражением была астрономическая стоимость, но мистер Форбс решительно отмахнулся, заявив, что за нами стоят все ресурсы правительства.

Таким образом, было решено, что ряд самолетов, включая «Ястреб-перепелятник», будут оснащены магнитными экранами и платинированными деталями двигателей. Чтобы сделать полет на таком топливе по-настоящему безопасным, следовало бы значительно укрепить

стенки цилиндров, дабы они выдерживали более мощные вспышки топлива; но это потребовало бы переделки всего мотора, на что у нас совершенно не оставалось времени. Поэтому мы решили, что авиаторам придется положиться на тот запас прочности, который обычно закладывается в конструкцию обычного заводского двигателя.

Необходимость спешить стала очевидной, когда на следующий день правительство получило второе послание от Громовержца. Оно было коротким и резким:

Народу Соединенных Штатов:

Если мои условия не будут выполнены и белый флаг не взвьется над Капитолием на десятый день после получения этого уведомления, я сотру Великие озера с лица земли. Вы уже имели удовольствие видеть долю моего могущества; хотите отведать его еще раз?

ГРОМОВЕРЖЕЦ.

Подобные ультиматумы получили и другие правительства. И в это же самое время начали поступать тревожные известия о бесчинствах Громовержца на Востоке. После своего молниеносного броска над Россией он исчез, но лишь для того, чтобы явить еще большие разрушения во время своего запоздалого визита в Азию. Штормы в Красном море вывели Суэцкий канал из строя – по меньшей мере, на неопределенный срок. Калькутта была практически уничтожена как морской порт. Рангун был едва не стерт с лица земли. Китай и Япония были объаты неопишым ужасом.

Глава 5

Вызов!

Но дело было не только в физическом ущербе. Миллионы глубоко религиозных жителей Востока были до крайности взбудоражены и напуганы. Народы Индии восприняли происходящее как божественное знамение, призывающее их восстать и сбросить английское иго; в руинах городов, которые посетил Громовержец, вспыхнули отчаянные бои. В Индокитае объятый ужасом народ вынудил правительство уступить: над национальным знаменем был поднят белый флаг, и власти издали заявление о готовности подчиниться любым приказам Громовержца. Это было первое государство, которое капитулировало.

Впрочем, правительственные чиновники тайно обещали другим державам оказывать сопротивление врагу. В Китае дела обстояли едва ли лучше. Громовержец по ночам пролетал над руслами крупнейших рек, и тысячи людей воочию наблюдали внушающее трепет зрелище иссушения вод. Большинство из них были необразованны и приписывали Громовержцу сверхъестественные силы. Считая бесполезным бороться с потусторонней мощью, они требовали подчинения его власти. До сих пор никаких официальных заявлений сделано не было, но дипломаты в большинстве своем сходились во мнении, что если Громовержец снова пригрозит стране, она немедленно сдастся.

Япония, благодаря более эффективной системе государственного управления, по крайней мере официально, была настроена куда более воинственно. Правительство понимало, что для удержания контроля над ситуацией оно не имеет права уступить. Поэтому власти издавали полные решимости манифесты, однако широкие массы населения все равно были сильно напуганы.

Посреди этой всеобщей паники народ Соединенных Штатов оставался если не спокойным, то хладнокровным и мужественным. Никогда еще я не испытывал большей гордости за то, что я американец, чем в эти суровые дни. Нигде Громовержец не устраивал столь масштабных демонстраций силы и не выступал с такими грозными ультиматумами, как в Америке, но нигде больше дух сопротивления не был столь непреклонен.

Мне посчастливилось стать свидетелем ответа Америки на последний ультиматум Громовержца. Экстренные выпуски газет объявили, что в полдень у Капитолия будет зачитан официальный манифест. К половине двенадцатого территория вокруг правительственного здания была запружена народом. Люди вели себя тихо, вполголоса обсуждая события последних дней. Пресса не подвергалась цензуре, и все прекрасно сознавали всю тяжесть нависшей угрозы. Но, стоя в толпе и прислушиваясь к разговорам, я почти ни от кого не слышал призывов к правительству уступить этим неслыханным требованиям. Каждый ратовал за сопротивление, чего бы это ни стоило.

Ровно в полдень на крыше Капитолия появилась небольшая группа людей, собравшихся у подножия флагштока. Солнце стояло почти в зените, и они частично находились в тени флага, который на протяжении почти двух веков развевался во главе наших войск и на мачтах наших кораблей во всех уголках земного шара и никогда не был спущен с позором.

Толпа замерла в напряженном молчании, и вскоре от группы отделилась фигура широкоплечего белокурого молодого человека. На нем была форма кадета Национальной военной академии, и мне – да и, думаю, каждому в толпе – он казался живым воплощением того прекрасного поколения молодых офицеров, которое Вест-Пойнт выпускает со времен Войны за независимость. (Позже я узнал, что это был сын президента, приехавший домой в отпуск.) Он подошел к подножию флагштока и начал карабкаться по нему, перебирая руками по фалам. На его ремне поблескивал молоток.

По толпе пронесся удивленный ропот. Неужели их собрали здесь лишь для того, чтобы показать, как молодой человек лазает по шесту? Демонстрируя завидную ловкость, кадет поднимался всё выше. Вот он уже почти у самой вершины; вот он поравнялся с полотнищем. Провед одну ногу в петлю каната, он, покачиваясь, устроился на самой верхушке мачты. Правой рукой он снял с ремня молоток, а левой достал из кармана что-то, блеснувшее на солнце. Он собирался забить гвоздь в флагшток. О! Он прибавал флаг к древку!

На мгновение толпа затихла, и первые два удара молотка были отчетливо слышны в тишине. А затем поднялся такой рев, какого я не слышал ни до, ни после. Как они ликовали! Это был голос великого народа, бросающего вызов врагу. Флаг прибит к флагштоку! Он никогда не будет спущен в знак покорности! Пятнадцать минут здравицы не умолкали ни на миг. Кадет закончил свою работу и соскользнул вниз. Затем на ступени Капитолия вышел президент и попытался обратиться к собравшимся, но шквал аплодисментов и криков заглушил его слова – их смогли разобрать лишь те, кто стоял в нескольких футах от него. Да и зачем толпе нужны были слова? Ответ правительства уже был выражен символически. И это был именно тот ответ, которого американский народ желал и ждал от своей власти.

Манифестация продолжалась несколько часов, и прямо во время неё вышли свежие газеты. Вся первая полоса каждого издания была отведена под прокламацию, подписанную Президентом Соединенных Штатов Америки. Она гласила:

НАГРАДА В ОДИН МИЛЛИОН ДОЛЛАРОВ ЗА ПОИМКУ ЖИВЫМ ИЛИ МЕРТВЫМ ЛИЦА, ИМЕНУЮЩЕГО СЕБЯ «ГРОМОВЕРЖЦЕМ»!

Награда в сто тысяч долларов за поимку живым или мертвым любого из его сообщников. Награда в десять тысяч долларов за любую информацию, которая может оказаться полезной для поимки его самого или любого из его сообщников.

Соединенные Штаты Америки выплатят любому лицу...

Испытание

Толпа подхватила газеты, и ликование вспыхнуло с новой силой. Вот как следовало отвечать человеку, посмевшему угрожать американскому народу! За его голову назначена цена, и какая цена!

События в Вашингтоне были незамедлительно доведены до сведения всей страны через прессу и радио, и подобные манифестации прокатились по всем остальным городам. Даже в Нью-Йорке, по которому Громовержец нанес самый тяжелый удар, толпа часами приветствовала ответ правительства. По всей стране проходили митинги людей, желавших хоть чем-то помочь. Тысячи молодых людей осаждали призывные пункты, предлагая себя в качестве добровольцев в армию или на флот. Правительство благодарило граждан, но было вынуждено заявить, что в их услугах нет необходимости. Задолго до того, как людей можно будет обучить летному делу, пехотной тактике или флотской службе, битва с Громовержцем так или иначе завершится.

Тем не менее, не особо надеясь на пользу, а скорее для того, чтобы занять умы людей и успокоить их, Кэннинг организовал добровольческий корпус разведки. Территория Соединенных Штатов была разделена на квадраты, и члены добровольческого корпуса должны были отслеживать и сообщать о любых происшествиях в своем секторе, которые могли иметь хоть какое-то отношение к врагу. Эта инициатива опиралась на теорию, что где-то у него должна быть база снабжения, и если эту базу удастся обнаружить, схватить его не составит труда. (Разумеется, результаты деятельности этой организации оказались равны нулю.)

Лишь на шестой день после демонстрации у Капитолия модернизация «Ястреба-перепелятника» была завершена. Я твердо вознамерился поднять машину в воздух для испытательного полета при полной загрузке и снаряжении – в точности так, как это потребовалось бы для боя с Громовержцем. К моему удивлению, доктор Уилкинсон настоял на том, чтобы лететь со мной. Тщетно я объяснял ему, что топливо (состоявшее в основном из пикриновой кислоты)

может в мгновение ока отправить нас на тот свет. Он отвечал, что для него это не опаснее, чем для меня, к тому же он сам помогал контролировать ход переделок и хотел лично увидеть их в действии. Я пытался втолковать ему разницу между простым капитаном авиационного корпуса, рискующим жизнью при исполнении служебного долга, и великим ученым, которого невозможно заменить. Он лишь фыркнул и забрался в кабину.

Механики, бывшие по-своему более благоразумными людьми, запустили мотор и поспешили ретироваться на безопасное расстояние. Еще до того, как самолет оторвался от земли, я ощутил колоссальный прирост мощности. При едва приоткрытом дросселе пропеллер рвал вперед с невероятной силой. Я добавил еще немного газа, намереваясь сделать пару кругов по аэродрому перед взлетом, чтобы «почувствовать» машину. Однако самолет сорвался с места с таким напором, что не успел я опомниться, как уже приближался к дальней границе поля на скорости, слишком высокой для торможения или разворота. Оставалось только взлетать; я потянул ручку управления на себя, и мы мощным рывком взмыли ввысь.

Оказавшись в воздухе, самолет стал вести себя более послушно, за исключением того, что при открытом наполовину дросселе он мчался так, как раньше летал на полной скорости. Я заложил пару виражей над Нью-Йорком. Был ранний вечер, и на небе только-только проступали первые звезды. Совпадение времени и места воскресило в моей памяти полет, совершенный пять недель назад. Тогда огромный город внизу и великая страна, простиравшаяся на запад, казалось, пребывали в абсолютной безопасности и покое. Теперь же я знал, что они ведут смертельную и пока еще не в их пользу борьбу с существом, которое казалось столь же безумным, сколь и могущественным. Сама природа, казалось, подчеркивала этот контраст. Тот прошлый вечер был прекрасен в чистом сиянии лета. Теперь же плотная стена туч далеко на востоке предвещала первый осенний шторм.

Непогода была созвучна моему собственному настроению – мрачному и угрюмому из-за осознания собственного бессилия перед врагом, нависшим над моей родиной. Ведомый тягой к этой родственной стихии, я слегка прибавил ходу и взял курс на восток. На половине газа мы выжимали 500 миль в час; мотор вибрировал и ревел так же громко, как раньше на предельной скорости, до модернизации. С такой стремительностью Нью-Йорк и побережье растаяли позади, словно тени, и вскоре мы вошли в зону облачности. Уилкинсон заметил, что назревает нешуточная буря, и предложил обойти её с севера, поскольку она, судя по всему, двигалась в юго-западном направлении. Однако, желая сопоставить скорость самолета со скоростью шторма, я развернул машину на юг. После получаса полета в этом направлении стало очевидно, что мы опережаем бурю. И это было как нельзя кстати, поскольку уже спустилась ночь, а нам необходим был лунный свет.

К этому моменту я уже вполне освоился с управлением и подумывал о том, чтобы выжать полную мощность на обратном пути. Однако я не решался на это: хоть я и был уверен, что самолет разовьет скорость не менее 800 миль в час, я понимал, что такой полет не только перегрузит двигатель, но и увеличит более чем вдвое нагрузку на крылья и плоскости управления. В памяти всплыли жуткие картины авиакатастроф, которые я наблюдал еще в летной школе. Один знакомый мне кадет потерял крылья при отвесном пикировании с работающим двигателем. Он пробил крышу трехэтажного дома, и его останки пришлось выкапывать из самого подвала, где они перемешались с обломками мотора.

Громовержец обнаружен!

Тут Уилкинсон прервал мои размышления.

– Похоже, с мотором что-то не так, – сказал он. – Гудит так, словно где-то короткое замыкание или что-то в этом роде.

Я прислушался и уловил едва различимый высокочастотный гул.

– Этот гул идет не от мотора, – ответил я. – Это что-то другое. Звучит скорее как...

Мы с Уилкинсоном переглянулись, мгновенно охваченные одной и той же догадкой.

– Только не говорите мне, что это Громовержец! – прокричал он.

– Чертовски на то похоже, – отозвался я.

Звук доносился с юго-востока, и, пока мы прислушивались, он стал ощутимо громче, смещаясь к югу. То, что издавало этот гул, очевидно, мчалось на огромной скорости курсом чуть южнее.

Взволнованным голосом Уилкинсон произнес:

– Последний раз о нем слышали в Азии. Если он возвращается в Америку через Европу или Средиземное море, то это как раз его курс. Перехватим его!

Вместо ответа я прибавил газу и направил нос самолета на источник далекого звука. Спустя минуту гул стал заметно громче. Я увеличивал скорость до тех пор, пока указатель воздушной скорости не замер на отметке 650 миль в час, и одновременно начал набирать высоту. Если мы собирались успешно покончить с Громовержцем, то полагаться следовало скорее на одну из наших «крошек» – пятидесятифунтовых бомб, что были у нас на борту, нежели на пулеметный огонь. Немного погодя, видя, что машина отлично справляется с нагрузкой, я открыл дроссель еще сильнее.

Вскоре далеко на юго-западе, несколько ниже нас, мы заметили стремительно движущийся огонек. Неужели мы вышли на след Громовержца? Я мельком взглянул на Уилкинсона и заметил, как его глаза буквально горели от возбуждения.

– Нельзя ли выжать из нее еще немного скорости? – с тревогой спросил он.

Я ответил тем, что взвинтил скорость до предела так, что почувствовал, как мотор содрогается и дрожит от яростной силы внутренних взрывов. Наперекор вполне реальной смертельной опасности погони, я не мог не улыбнуться, глядя на азарт этого почтенного мужа науки, участвовавшего в деле, которое теперь мало чем отличалось от облавы на дикого зверя.

Уилкинсон не отрывал ночного бинокля от далекого огонька.

– Это Громовержец! – воскликнул он. – Я вижу тот самый похожий на лодку корпус, который вы описывали. Мы нагоняем его!

К этому времени мы вновь приближались к побережью, и беглый расчет пройденного пути убедил меня, что мы находимся где-то в районе Северной Каролины.

Судно впереди, судя по всему, пока не подозревало о преследовании. Желая сохранить скрытность, я решил забраться еще выше и спикировать на вражеский корабль с выключенным двигателем. Памятуя о том, с какой легкостью маневрирует судно Громовержца, я понимал, что наш единственный шанс на успех – оставаться незамеченными до тех пор, пока наши бомбы не разорвутся на его палубе. Я не испытывал ни малейших угрызений совести по поводу того, что собирался отправить его на тот свет без предупреждения, ведь на его руках была гибель сотен мужчин, женщин и детей.

Я поднялся примерно до пятнадцати тысяч футов – это было где-то на пять тысяч футов выше судна перед нами, чей серый корпус едва угадывался в лунном свете. Громовержец по-прежнему не выказывал признаков беспокойства; я списал это на то, что рокот его собственных двигателей заглушал шум нашего мотора. Я выключил зажигание и бросил машину в крутое пикирование. Ветер со свистом запел в крыльях; мы приближались к серому кораблю, словно падающий на добычу ястреб. До него оставалось всего две тысячи футов, и я уже готовился выровнять самолет и сбросить бомбы, как вдруг вражеский корабль рухнул вниз со скоростью падающей кометы.

Это застало меня врасплох. Только что серое судно находилось прямо под нами, и мы стремительно настигали его, словно неподвижную мишень, а в следующее мгновение оно провалилось вниз на пять–шесть тысяч футов и стремительно растворилось в ночной темени!

Разумеется, я счел этот маневр доказательством того, что нас обнаружили и пытаются уйти, поэтому я перевел самолет в пологое спиральное планирование, всматриваясь в воздушное пространство внизу в поисках беглеца. Уилкинсон издал полный разочарования возглас

по поводу нашего фиаско и направил бинокль вниз. Мы уже углубились внутрь материка, но из-за большой высоты земля казалась окутанной непроглядной тьмой. В этой черноте серый корабль исчез без следа. Я уже собирался идти за ним вслепую, ориентируясь исключительно по звуку, как вдруг далеко внизу вспыхнул яркий свет. То, что мы с Уилкинсоном увидели в бинокли, повергло нас в изумление.

Местность внизу была дикой и пустынной. (Позже мы узнали, что это была часть засушливых и почти необитаемых прибрежных земель Северной Каролины, но в тот миг наше внимание привлекло совсем другое.) В самом центре ярко освещенного круга стояли два строения. Одно, приземистое и вытянутое, явно служило жилым домом; второе безошибочно определялось как ангар для серого воздушного корабля, а огни оказались посадочными прожекторами. Мы выследили Громовержца до самого его логова!

Глава 6

Сквозь окно

Через несколько минут посадочные огни погасли, и лишь несколько тусклых точек – вероятно, обычных электрических лампочек – отмечали расположение построек. Мы с Уилкинсоном стали совещаться, как поступить. Стоит ли нам улететь и вернуться с силами, достаточными для гарантированного захвата, или же рискнуть, приземлиться и попытаться завершить это предприятие своими силами?

Против обоих планов имелись серьезные возражения. Если мы улетим, то можем больше не найти это место, ведь мы имели лишь самое смутное представление о том, где находимся. Кроме того, могли пройти дни, прежде чем мы вернулись бы с достаточным количеством самолетов и наземных войск для верного захвата. И за это время наша добыча могла ускользнуть. Что касается второго плана, если бы мы высадились вдвоем, нас почти наверняка задавили бы числом (мы полагали, что экипаж серого воздушного корабля насчитывает не менее пятнадцати человек), и нас могли взять в плен или убить вместе с нашими бесценными сведениями. В конце концов мы пришли к своего рода компромиссу. Мы приземлимся, проведем разведку местности и, если силы покажутся слишком неравными, покинем её и вернемся при первой возможности с подкреплением.

В соответствии с этим планом мы пошли на снижение. К тому времени, когда мы оказались примерно в двух тысячах футов от земли, в свете полумесяца удалось разглядеть очертания ландшафта. Я выбрал участок, похожий на пустое поле, примерно в полтора милях от построек. Земля оказалась ровной, и мы приземлились почти бесшумно. Мимо поля в сторону зданий вела хорошая дорога; мы двинулись вдоль её края, готовые при первом же признаке опасности укрыться в окаймлявших её кустах. Таким образом нам потребовалось более получаса, чтобы добраться до окрестностей базы, и за это время погода заметно переменялась. Буря, которую мы опередили в начале вечера, начала наступать нас: гряды туч то и дело закрывали луну, а на северо-востоке то и дело вспыхивали зарницы. Когда мы подошли к зданиям, упали первые редкие капли дождя. Мы были несказанно рады этому, ведь темнота и непогода надежно укрывали наши передвижения.

Укрывшись в густых кустах, мы осмотрели постройки. Одна из них, очевидно ангар, была длинной и прямоугольной. Там царил полный мрак. Другая, приземистая, состояла из центральной части и двух примыкавших к ней под прямым углом флигелей. Дорога проходила прямо перед центральным корпусом, а на обочине был припаркован низкий гоночный автомобиль. Ни в одном из видимых нам флигелей свет не горел, но два окна в центральной части здания были ярко освещены. Насколько мы могли судить, здесь не было абсолютно ничего похожего на часовых или охрану.

Мы с Уилкинсоном были вооружены пистолетами и в конце концов решили, что возможность заглянуть в одно из этих окон стоит риска. Полагаясь на дождь и темень, мы поползли вперед. Уилкинсон направился к одному окну, я – к другому. Моя голова едва приподнялась над подоконником; я заглянул внутрь из самого угла, готовый в любой миг пригнуться и скрыться из виду, если кто-то в комнате посмотрит на окно, которое было приоткрыто снизу на дюйм-другой.

Перед моим взором предстала, судя по всему, домашняя библиотека. Это была просторная комната, стены которой почти сплошь занимали книжные полки; обстановка была богатой, хотя и старомодной. В открытом камине весело потрескивали дрова. Перед роскошным столом из красного дерева, заваленным грудой бумаг, в кресле с высокой спинкой сидел человек и что-то увлеченно писал. Он сидел ко мне полубоком, но время от времени прерывал работу, словно задумываясь, и тогда мне становился отчетливо виден его профиль.

Возраст его определить было трудно – ему могло быть от тридцати до пятидесяти лет. Это было самое интеллектуальное лицо, которое я когда-либо видел. Лоб был настолько высоким, что казался узким, хотя на самом деле это было не так. От его лица веяло вневременной мудростью – подобную я однажды, как мне показалось, узрел в глазах индуистского идола, сделанных из двух бесценных изумрудов. Нос был крупным, но прямым и правильной формы. Почти прямая линия рта очерчивалась плотными, властно сжатыми губами. Подбородок – красивой формы, но не слишком выдающийся, что свидетельствовало, пожалуй, о чуткой натуре. Всю его наружность можно было бы назвать красивой, если бы она не производила на наблюдателя множество других, куда более сильных и необычайных впечатлений. Главное чувство, которое он во мне пробудил, – это ощущение глубочайшей, бездонной мудрости и абсолютного покоя. Я просто не мог вообразить это лицо искаженным гневом, страхом или любой другой недостойной эмоцией. На первый взгляд он казался стоящим неизмеримо выше страстей простых смертных.

Не знаю, сколько времени я простоял так, затерявшись в благоговении и изумлении. Мои ошеломленные наблюдения прервало движение человека в комнате. Он подошел к противоположной стене и потянул за старинный шнур звонка. Минуту спустя вошел седовласый слуга-негр.

– Цезарь, – произнес хозяин (я отметил, что его голос, под стать внешности, был глубоким и ровным), – ты можешь идти. Сегодня ты мне больше не понадобишься.

Старый негр пробормотал: «Доброй ночи, масса», – и уже собирался выйти, когда хозяин остановил его жестом.

– Ной и Мэри уехали? – спросил он.

– Да, сэр, – ответил слуга, – они заперли этот чертов корабль и отправились на плантацию мистера Тейлора повидать брата Мэри. Они уехали на своей жестянке больше получаса назад, сэр. Брат Мэри совсем плох, и они сказали, что, возможно, не вернуться пару дней. Вы ведь говорили, сэр, что завтра уезжаете в Уилмингтон, вот я и разрешил им ехать.

– Это всё, – сказал хозяин. – Доброй ночи, Цезарь.

Громовержец разоблачен

Старый негр поклонился и, шаркая, вышел. Хозяин поднялся и встал перед камином. Поскольку теперь он оказался лицом к окну, я рассудил, что мне пора уходить. Я отполз обратно к кустам, где уже поджидал Уилкинсон. Предвосхищая его расспросы, я спросил, что видел он. Он ответил, что его окно выходило в пустой коридор, и поинтересовался, на что я так долго засматривался. Я рассказал ему обо всем, и он тихо, изумленно свистнул.

– Клянусь Юпитером, – произнес он, – похоже, это сам Громовержец, и он, вероятно, совершенно один, если не считать старого слуги. Где, по-твоему, может быть команда «чертова корабля»? Как думаешь, неужели этот тип способен управлять такой машиной в одиночку или с помощью пары негров?

Я честно признался, что даже не берусь гадать, на что способен Громовержец.

Он на мгновение задумался:

– В любом случае, капитан, есть у этого корабля команда или нет, судя по твоим словам, сейчас в доме никого нет, кроме него и слуги. Лучшего шанса схватить его у нас не будет. Если станем выжидать, то наверняка упустим его. Он уже обмолвился, что завтра намерен уехать. Я считаю, что нам нужно действовать решительно и немедленно.

Я согласился с ним. После короткого обсуждения мы постановили, что Уилкинсон открыто подойдет к парадной двери и постучит, а я буду караулить у окна, чтобы наша добыча не сбежала.

Я снова подполз к окну и мгновение спустя услышал звонок. Громовержец (я ни капли не сомневался в личности этого человека) отложил перо и направился, как я понял, к парадному входу. Догадавшись, что он идет отворять, я обогнул дом, выбежал к крыльцу и встал рядом

с Уилкинсоном. Мы замерли с пистолетами в руках. Твердые, но тихие шаги приблизились к двери, и она распахнулась. Перед нами стоял тот самый человек из библиотеки.

При виде нас он не проявил особого уныния или удивления. Напротив, на его лице отразилась странная смесь глубокого сожаления и облегчения.

– Ну наконец–то вы пришли, господа, – произнес он. – Я ждал вас гораздо раньше. Входите же. Не дело вести беседы на пороге в такую ночь.

Когда мы, совершенно потрясенные, повиновались, он, в свою очередь, выразил легкое удивление.

– Как? – сказал он. – Всего двое? Вы оказываете мне скромную честь, господа. Я ожидал увидеть по меньшей мере пехотную роту и, вероятно, авиационную эскадрилью.

Видя наше молчание, он продолжил:

– Впрочем, быть может, я несправедлив к вам. Вы оставили своих спутников снаружи?

До этого момента мы с Уилкинсоном онемело молчали. С чего вдруг он мог нас ждать? Неужели мы угодили в тщательно подготовленную ловушку? Знал ли он о погоне и намеренно заманил нас сюда? Уилкинсон первым взял себя в руки.

– Где находятся наши спутники – это наше дело, доктор Лебёф Дрейер, – жестко произнес он. – Вас же касается то, что капитан Андерсон и я объявляем вас арестованным. Советую не оказывать сопротивления. Мы не намерены рисковать и при первом же подозрительном движении пустим в ход оружие против столь опасного преступника, как вы.

Незнакомец взглянул на него и слегка улыбнулся, узнав того.

– А, мой старый знакомый по Королевскому физическому обществу, Уилкинсон! И всё так же разглагольствует об «опасных преступниках», словно существует некий моральный аршин, которым их можно мерить. Странно, доктор, что вы до сих пор не верите в сказочных фей.

Уилкинсон вспыхнул от этой насмешки, точно школьник, получивший нагоняй от учителя. Однако он ничего не ответил и лишь крепче перехватил рукоять пистолета.

Хозяин дома взглянул за дверь, где уже вовсю хлестал проливной дождь, и предложил:

– Предлагаю вам, господа, пройти в мою библиотеку и обсудить это дело в течение нескольких минут. Полагаю, у вас нет ни малейшего желания тащить меня наружу в такую бурю.

Мы переглянулись и решили, что просьба вполне разумна. Держа незнакомца под прицелом, мы проследовали за ним по коридору в ту самую комнату, которую я недавно разглядывал снаружи. По пути Уилкинсон шепнул мне, что знал этого человека в Англии как чрезвычайно блестящего, но эксцентричного американского ученого, жившего там.

Дрейер, как я буду называть его отныне, придвинул к камину три кресла и жестом пригласил нас занять крайние, заметив, что сам сядет посередине, дабы мы могли держать его в поле зрения.

Какое–то время в нашей странной компании царил молчание. Я мысленно прикидывал расстояние от Дрейера до шнура звонка и искал глазами скрытые электрические кнопки или иные средства вызова помощи. Ничего подобного не обнаружилось. Уилкинсон пристально следил за Дрейером, а Дрейер созерцал огонь. Дождь яростно барабанил по стеклам, а за вспышками молний незамедлительно следовали раскаты грома.

Вскоре Дрейер поднялся.

– Раз уж вы здесь, – промолвил он, – вам не помешает немного подкрепиться.

Под нашими бдительными взглядами он достал из шкафчика высокую бутылку, три бокала и коробку отличных сигар. Заметив, что это «Гран Шампань» 1830 года – редчайший из всех винтажей, – он наполнил бокалы и предложил нам выбрать свой. Когда мы это сделали, он первым поднес свой бокал к губам и осушил его, без слов давая понять, что не пытается нас отравить. Считая, что его поведение тонко рассчитано на то, чтобы усыпить нашу бдитель-

ность, я отказался от вина и сигар. Не принимая участия в завязавшейся беседе, я сосредоточился исключительно на слежке за каждым движением хозяина дома. Уилкинсон же пригубил вино с явным удовольствием и раскурил сигару. Он и заговорил первым.

– Значит, вы признаете, что вы и есть Громовержец? – спросил он.

– О да, – непринужденно ответил тот. – Я никогда не трачу время на отрицание очевидного. Вы не стояли бы здесь с пистолетами в руках, если бы не имели твердой уверенности в том, кто я такой. Да и будь у вас сомнения, вы легко найдете массу доказательств, просто обыскав этот дом.

Громовержец объясняет

– Не сочтете за труд объяснить, почему вы нас ждали? – спросил Уилкинсон.

– Ничуть, – последовал ответ. – Я не ждал конкретно вас двоих. Я просто ожидал, что кто-то придет. Я не ступал на этот путь без самого тщательного размышления. Как я уже заявлял в своих посланиях, я убежден, что являюсь самым разумным существом из ныне живущих. Любой, кто взглянет на этот вопрос непредвзято, сразу поймет, какие колоссальные преимущества сулит человечеству сосредоточение верховной власти в руках такой личности. Разумеется, я не жду, что вы согласитесь со мной, ведь вы ослеплены тем фактом, что окажетесь среди управляемых. Я также не питаю иллюзий, что обыватель способен рассуждать столь же здраво, как вы двое. В глазах огромной массы людей, отравленных иллюзией «свободы», которой они якобы обладают, я неизбежно предстаю злейшим деспотом. Я знал это, а потому понимал, что рука каждого человека поднимется против меня. И хотя я самый умный и, пожалуй, самый могущественный человек в мире, я, как существо мыслящее, сознательно противопоставил свой одинокий разум и силу объединенному разуму и силе всего остального человечества. Я отдавал себе отчет в том, что шансы против меня огромны. На самом деле они были настолько малы, что я сам удивлен, как мне удалось зайти так далеко; и этот успех я считаю лучшим доказательством своих выдающихся способностей. Поэтому, услышав сегодня стук в дверь, я сочел весьма вероятным, что это явился отряд для моего ареста.

– Если вы считали свой успех столь маловероятным, – спросил Уилкинсон, – зачем вообще нужно было пытаться?

– Ну, – ответил Дрейер, – на этот вопрос непросто ответить однозначно. Причин было несколько. Однако главным, думаю, было непреодолимое желание проверить свои теории на практике. Это было бы грандиозно – то, чего никогда прежде не случалось: ученому получить весь мир в качестве лаборатории, а мужчин и женщин – в качестве подопытных образцов. Ученые веками строили гипотезы о том, что произойдет, если взять под контроль эволюцию человеческого рода.

Дрейер говорил самым будничным тоном, будто обсуждал обеденное меню или пустяковое бытовое дело. На протяжении всей этой удивительной беседы он не проявил ни тени эмоций и рассуждал о людях так, словно они были неодушевленными объектами. Именно бесчеловечный характер его ультиматумов и поступков заставил меня впервые заподозрить в нем безумца, а слова, сказанные в эту ночь, окончательно убедили меня в этом. Это не было интеллектуальное помешательство. Оценивай я его разум, я бы без колебаний признал его притязания на звание умнейшего человека в истории; нет, это было безумие эмоциональное, или, как минимум, аномальное состояние психики, полностью лишившее его способности соперничать.

Он продолжал:

– Ради малейшего шанса воплотить столь великую идею стоило пойти на любой риск. Представьте, чего можно достичь! Вы знаете, как изменились зерновые культуры и продукты питания благодаря искусственному отбору. Практически всё, что мы сегодня употребляем в пищу, когда-то было бесполезными сорняками. И только путем самого жесткого отбора – высеивания лучших образцов и безжалостного уничтожения низкосортных линий – мы получили

то качество и разнообразие продуктов, которые имеем сейчас. То же самое было проделано и с домашними животными. Подумайте, что произойдет, если применить эти принципы к человеческому виду! Уровень человечества можно колоссально поднять всего за три–четыре поколения. Люди моих способностей стали бы столь же обычным явлением, как сейчас люди склада капитана Андерсона. Число слабоумных сократилось бы до ничтожного минимума, да и тех можно было бы научно и безболезненно ликвидировать, вместо того чтобы плодить обузу для общества, как это делается сейчас.

Он сделал паузу, и Уилкинсон вставил:

– Я помню, как несколько лет назад вы наделали немало шума, заявив, что для человечества было бы гораздо полезнее, если бы врачи прекратили лечить конкретных индивидов и полностью посвятили себя открытию законов генетики. Вы предлагали изучать медицинские принципы не ради помощи отдельному больному, а ради улучшения человечества в целом.

– Именно так, – подтвердил Дрейер. – Вот, к примеру, капитан Андерсон, который сидит напротив и, должно быть, считает меня сумасшедшим до мозга костей. Тем не менее, он и ему подобные поощряют абсолютно абсурдную медицинскую систему, существующую ныне. Что может быть нелепее того, что врачи из года в год выхаживают всё большее число человеческих развалин, позволяя им жить и плодить потомство, которое окажется столь же ущербным физически? Сам факт того, что человек заболел, служит неопровержимым доказательством его предрасположенности к болезням. А поскольку уязвимость к недугам в огромной степени передается по наследству, потомки этого человека также будут болезненными. Я вскользь затронул эту тему в своем первом послании правительствам. Логично и правильно – позволить всем больным умирать от своих болезней, а если они выживают, то хотя бы лишать их возможности иметь потомство. Только так человечество постепенно выработает абсолютный иммунитет.

– Что происходит в дикой природе? Больное животное погибает. Именно поэтому среди диких зверей болезни почти неизвестны. А что происходит среди людей? Больному уделяется максимум внимания, и медицинское сословие считает своим высшим долгом продлить жизнь какого–нибудь несчастного доходяги на несколько жалких лет. Цифры я приводил в своем манифесте. Вы не можете отрицать, что мои прогнозы сбываются. Человеческий род стремительно вырождается – как умственно, так и физически. Ваши правительства слишком трусливы и слабы, они слишком зависимы от посредственностей и сентиментальной толпы, чтобы заняться этой проблемой. До сих пор они отказывались даже рассматривать её. Исправить положение способен только я. И вот вы, двое людей, считающих себя здравомыслящими, являетесь сюда, чтобы предать меня в руки правительства, которое без колебаний уничтожит единственный шанс на разумное развитие человечества. Сатана в аду, должно быть, до слез хохочет над этой трагикомедией.

Глава 7

В одиночку

Эта искренняя, но чудовищно несправедливая тирада побудила меня спросить:

– Если вы так печетесь о благе человечества, доктор Дрейер, почему же вы лишили жизни несколько тысяч человек во время ваших недавних акций? Честно говоря, мне кажется вполне справедливым, если наше правительство обойдется с вами точно так же, как вы обошлись с ними.

Дрейер повернулся к Уилкинсону с явным раздражением на лице.

– Вот с чем мне приходится сталкиваться, – произнес он. – Он даже не понимает, о чем я говорю.

Повернувшись ко мне, он продолжил:

– Какая разница, погибли эти несколько тысяч человек или нет? Влияние этого на вид в целом ничтожно. Все они так или иначе умерли бы в ближайшие пятьдесят или семьдесят пять лет. Жизнь отдельного индивида не имеет значения, за исключением того, как его существование влияет на существование всего вида. Мое же существование стоит миллионов их жизней, потому что я способен направлять развитие всего человеческого рода.

Я уже готов был горячо возразить, что жизнь погибших людей была для них столь же важна, сколь жизнь Дрейера для него самого, но Уилкинсон перебил меня.

– Эта дискуссия ни к чему не приведет, – сказал он. – Очевидно, что наши взгляды диаметрально противоположны. Но если вам не трудно, доктор, мы хотели бы услышать о тех средствах, с помощью которых вы достигли столь поразительных результатов.

Дрейер улыбнулся.

– Как? – протянул он. – Знаменитый доктор Уилкинсон, о котором пресса пишет, будто он знает о Громовержце едва ли не больше, чем сам Громовержец, просит разъяснить, как были достигнуты эти весьма заурядные результаты?

Уилкинсон изложил свои и мои теории относительно того, как Дрейер добился своих невероятных успехов, и Дрейер признал, что они во многом верны.

– Должен сделать вам комплимент, господа, – сказал он. – Я и понятия не имел, что ваше правительство располагает столь точными сведениями о моих методах. Что касается способов получения мощных электрических токов, тут всё довольно просто. Долгое время считалось, что электрический ток – это всего лишь поток отрицательных электронов. Каждый атом состоит из некоторого числа отрицательных электронов, сгруппированных вокруг положительно заряженного ядра. Следовательно, для получения тока любой интенсивности требуется лишь расщепить атом на составляющие его части и направить электроны по проводнику. Тяжелые вещества, разумеется, содержат большее количество атомов и, как следствие, при расщеплении дают более мощный ток. Понадобилось всего несколько сотен фунтов свинца, чтобы выработать ток, достаточный для уничтожения системы водоснабжения Нью-Йорка.

В ответ на следующий вопрос Уилкинсона он продолжил:

– У меня нет сообщников или союзников. Я управляю кораблем совершенно один. Именно это обстоятельство и задержало мое появление на Востоке. Мне пришлось посадить корабль в безлюдной части Азии и немного поспать, прежде чем атаковать Китай и остальной Ориент. Та же необходимость задержала и мое возвращение в эту страну. Корабль оснащен электрическими устройствами управления, так что одному человеку справляться с ним совсем не трудно. Различные его узлы изготавливались по специальным заказам на заводах по всему миру. Ни одно предприятие не производило достаточно деталей, чтобы понять, для чего предназначалось всё устройство. Я собрал корабль сам с помощью нескольких рабочих–негров, которые с тех пор уже отплыли в Либерию. В любом случае, они были слишком необразо-

ванны, чтобы понять назначение судна. У меня здесь трое необразованных, но преданных слуг. Двое из них – Ной, мой разнорабочий, и его жена Мэри – сейчас в отъезде. Старый Цезарь, мой дворецкий и камердинер, уже лег спать. Эти трое слишком невежественны, чтобы быть виновными в каком-либо преступлении, и я полагаюсь на вас, господа, в том, что их никто не побеспокоит в связи с моим арестом. Они хорошо обеспечены по моему завещанию. Хотите ли вы узнать что-нибудь еще?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.